

Артур Дмитриев
Асоциальные сети

«Accent Graphics communications»

2019

Дмитриев А.

Асоциальные сети / А. Дмитриев — «Accent Graphics communications», 2019

Марк, обыкновенный полубелый воротничок, сталкивается с тем, что его аккаунт в социальной сети начинает жить самостоятельной жизнью. Подобное происходит и у друзей Марка. Через некоторое время они понимают, что больше не являются анонимами в сети и что их аккаунты настолько сильно переняли их паттерны поведения, что стали настоящими аватарами, вторыми лицами. Марк решает избавить мир от лицемерного второго «я» и заодно попытаться найти свою настоящую любовь. Страсть и нежность, кишки и кровяца (самую малость), детектив и триллер (капелюшечку), розовые облачка и юные, неиспорченные умы. И неизбежная жизнеутверждающая тоска в эпилоге.

© Дмитриев А., 2019

© Accent Graphics
communications, 2019

Содержание

1	6
10	9
11	11
100	14
101	17
110	20
111	26
1000	30
1001	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Артур Дмитриев

Асоциальные сети

«Посвящается Карине. Без тебя этой книги не было бы».

1

Утро начинается не с кофе. Марк давно отвык от него, перестал нравиться вкус и совсем пропало чувство бодрости. Как ему объяснил знакомый по юношеским травмам врач, кофе и не должно бодрить, оно само по себе не несет ни капли энергии, все его действие заключается в высвобождении резервов организма, поэтому человек может немного физически воспрянуть. Немаловажным условием считается и вера в силу напитка, эффект плацебо. Марк считал себя крайне трезвомыслящим, поэтому применять к себе плацебо отказался. Вместе с кофе.

Крепкий, почти черный чай, бутерброды из чего попало, банан. Если по графику тренировка, то в чай сыпался сахар. Пробегать почти ежедневные пять километров так было легче, о вредности Марк не думал, цель всегда оправдывает средства, уяснил с детства, маленькими замерзшими кулачками пробивая путь к вершине слепленной во дворе трактором ледяной горы, пряча сопли и слезы от тумачков старшаков в рукав потертой куртки. На вершине рождался свет уважения к маленькому, щуплому недорослю, у которого не было друзей среди сверстников. Ему приходилось залезать в компании тех, кто на два или три года старше, и там доказывать свое право смотреть им в глаза, отношения с погодками не сложились по непонятным причинам, они казались ему недоразвитыми, скупыми на мысли, их интересы крутились вокруг солдатиков, машинок, мультфильмов, а Марка возбуждал реальный мир, мир людей.

Ноутбук, засыпанный крошками и обляпанный разноцветными пятнами всех существующих или существовавших на кухне жидкостей, мерцал спокойным светом всезнания. Марк часто думал, что ноутбук является самым совершенным охлаждающим устройством в мире, по крайней мере, чай рядом незаметно остывал до комнатной температуры – не успеешь глазом моргнуть. Быстрый просмотр новостей по вкладкам, криминал, криминал, криминал, политика, политика, политика, треш, треш, треш, чьи-то малознакомые сиськи от безработных хакеров, сливших их в сеть из облака какой-то новой селебрити, каждый день одно и то же, повестка отличается только градусом или локацией, люди совсем зациклились на телодвижениях, производящих дополнительный трафик, не генерируя остального контента. Все это происходит произвольно, на уровне подсознания, теперь даже маньяк выходит на охоту за жертвой так, чтобы обязательно потом прочитать про себя, смакуя сотни возмущенных лайков и перепостов.

Немного свежести осталось в социальных сетях. Совсем немного, но этого хватало, чтобы утром глотнуть более или менее свежего информационного воздуха. Если грамотно выстроить ленту новостей, то можно даже получить некоторое удовольствие. Но и здесь контент ограничен, все пережевывают все ту же повестку дня, совсем не остается времени на личные фотографии и простой, светлый постинг от первого лица.

Холодный чай пьется большими глотками, кружка ставится в раковину под струю из прохудившегося крана. Сама помоеется, технологии делаются лентяями, Марк где-то прочитал об этом и взял за правило, не всегда действуя конструктивно. Кружка мылась, значит, это работает. Запустить специальные дырявые краны? Стартап! Краны для тех, кто может позволить себе не заглядывать в квитанции за квартплату. Марк не мог, поэтому все-таки встал, затянул как можно туже кран и вызвал сантехника.

Пикнуло оповещение, и в левом углу монитора открылось диалоговое окошко мессенджера с ласковым и теплым «Привет, мой хороший!» Галя наверняка сидит с восьми утра и ждет, когда против его имени появится зеленый огонек, говорящий, что сейчас Марк онлайн. Такая прилипчивая, что мурашки по коже и улыбка. «Привет, моя принцесса!» – моментально прочитано, и на Марка вывалилась целая куча смайликов с поцелуями разных форматов. Познакомились в торговом центре, она ехала на пять ступенек выше на эскалаторе, он пялился на бедро, открывшееся под свободной юбкой. Она заметила и сказала, что ударит его по бесстыжему лицу. Он покраснел, смутился и пробормотал: «Хорошо». «Что – хорошо?»

Хорошо, что я тебя ударю? Ты хочешь, чтобы я тебя ударила? Отвечай!» Марк, как в детстве, поднял глаза и посмотрел на нее.

Под рукой ответный набор смайлов, скрепленный в конце романтической гифкой с обнимающимися котиками. Сейчас она увидит все это и отправит ему свое улыбающееся личико – вот так начинается каждый день, куда уж тут кофе. Вырастали крылья, да, серьезно, Марку казалось, что если резко встать, то он ударится о потолок, в ногах и в груди – пружины, ждущие момента, когда можно распрямиться.

– Допил чай?

– Да, сейчас в душ. А ты?

– Я давно на работе, милый. Ты же знаешь)

– Ну а чай-то допила?)

– Уже дважды)

– Загляну к тебе в обед, мне по пути надо в центр, перекусим где-нибудь вкусенького?

– Нет, давай сегодня без шаурмы, а поедем нормальной здоровой пищи. Как насчет Мака?)

– Ты просто золото, милая!) Давай, буду примерно в половине первого.

Новая волна смайлов захватила буферы с обеих сторон, и Марк, хлопнув крышкой ноута, попрыгал в ванную, на ходу стягивая футболку и домашние шорты, сделанные из старых джинсов. Впрочем, шорты для улицы тоже были сделаны из бывших в употреблении брюк; Марк не понимал, как вообще можно покупать шорты, если есть старые штаны.

Трамвай катил по усаженной вразнобой тополями улочке, пугая прохожих грохотом проложенных в прошлом году бодро разрекламированных мэрией «бесшумных» рельсов. Тополя приготовились засыпать летним снегом асфальт и кусты, детвора приготовила зажигалки и спички для захватывающей борьбы с этим снегом, еще неделя – и начнется. Марк нередко тоже, пока никто не видит, поджигал мохнатые лужицы, наблюдая, как огонь мчится, разрастаясь во все стороны, туда, где еще есть ему пища. За четыре остановки до нужной ему вышло две трети вагона, появились пустые места. Марк уселся, достал телефон.

– Я подъезжаю, одевайся, вдруг ты совсем раздета)

– Я готова, ты меня не подловишь)

– Выходи минут через пятнадцать к перекрестку. Прогуляемся пешком. Ладно?

– Хорошо. Только быстрым шагом, мне надо отчет успеть сегодня сдать. Иначе придется выйти в выходные, а их я хочу провести под твоим волосатым крылышком)

– Ничего оно не волосатое! Ладно, пробежимся, но взамен ты будешь лежать не только под крылышком, но и значительно ниже!

– Хех!) Не знаю. Спрошу у мамы, можно ли так делать. Или лучше у папы...

– Спроси, спроси, они люди мудрые, ответят правильно! Все, я уже почти вылезая из трамвая.

– Я на месте, стою, на меня тут засматривается один парень, подмигивает. Такой симпатичный, не знаю, смогу ли устоять...

– Сейчас я этому парню подмигивающий глаз-то откручу.

– Не надо. Он ему еще пригодится, когда в школу пойдет. Ну где ты, а?

– Я убью тебя, гадкая девчонка!

Марк засунул телефон в карман, выскочил из задней двери, пробежал на красный свет и подкрался к Гале сзади. Понюхал роскошные соломенные волосы и ткнулся носом в шею. Галя закричала «Полиция!», рванулась вбок, резко остановилась, обернулась и громко засмеялась, глядя на ошарашенного Марка, пытающегося вернуть на место нижнюю челюсть.

Бигмак и двенадцать наггетсов в качестве компенсации морального вреда разрядили гнетущую ситуацию, когда одна пошутила, а второй не оценил потуги комедийного таланта. Еда, вкусная еда обладает потрясающим седативным действием, как марихуана, хочется спокойно,

валяжно разлечься на диванчике, блаженно улыбаясь, и вслушиваться в любимый голосок, щебечущий о произошедшем за день, о планах, о нем, о них.

Галя была настоящим галчонком, говорила не переставая, фантастически не замечая проглатываемые куски, Марк успевал только поддакивать или отрицательно мотать головой, стараясь попасть если не в тему разговора, то хотя бы в такт. И старался не заснуть, тяжелый желудок тянул в пучину забвения, булькая хозяину, что не мешало бы немного подремать для улучшения процесса переваривания пищи. «Ты что, спишь?!» – щипок и укус за губу.

В трамвае Марк опять достал телефон, ткнул в иконку мессенджера. «Спасибо за обед, соня!» И легкая дрожь от слов выше – «Я люблю тебя, сладкая девчонка!»... Дремоту вышибло из Марка чем-то тяжелым, ощущения такие же, как на первом курсе, когда, пытаясь понравиться девчонкам, Марк раскачался на турнике и попытался сделать сальто, не учел инерцию тела и грохнулся плашмя на спину. Марк четко помнил, что написал: «Я убью тебя, гадкая девчонка!», и разум подсказывал, что автокорректор не способен на подобные чудачества, простые слова в словаре не исправлялись.

Посидев в тишине, нарушаемой лязгом металла и противным голосом кондукторши, выучившей в школе всего одно предложение: «Все обилечены?», Марк написал – «Галя, ты коза». Отправилось, и отправилось правильно. Вышел из мессенджера и зашел опять. В окошке диалога синело: «Галя, ты роза». Марк выключил телефон и уперся лбом в горячее стекло.

На диван лег не раздеваясь, положил на живот ноутбук и зашел в Facebook. Два часа потребовалось, чтобы выяснить следующее – комментарии изменялись по-разному, в зависимости от адресата. Если в разговоре с Галей оскорбления и колкости сглаживались до розовых слюней, то в переписке с Родиком слово «блин» менялось на «блять», а «мороз» на «мразь». Попробовал написать Георгу Алексеевичу абсолютную чушь, так мессенджер вместо этого чуть кандидатскую не создал.

Все это было не похоже на стандартные операции программы, призванной помогать безграмотным и тем, кого Бог обделил интеллектом. Нужно создать такой сложный процесс, который будет индивидуально подбирать коррекцию для сотен миллионов людей, учитывая опыт общения и характер межличностных отношений. Пугала безальтернативность исправлений, Марк пытался отредактировать некоторые, но результат всегда был такой, какой нужен. Нужен ему, но не сейчас, следовательно, нужен мессенджеру. Плюсов, впрочем, было намного больше. Во-первых, при ошибке в имени мессенджер вставлял правильное – больше не будет ссор между любовниками. Во-вторых, можно что угодно писать пьяным, злым – мессенджер выстраивал речь в обычной стилистике. В-третьих, мессенджер, как оказалось, обладал более богатым словарным запасом, чем Марк, что несколько украсило лексикон, используемый им в сети, – может быть, за человека начнут принимать.

10

С увеличением долготы дня качество и возможности мессенджера постепенно увеличивались, теперь он мог вести полудиалог по всем вопросам. Оставалось только давать вектор, печатать тезисы, основные слова, мессенджер сам выстраивал вокруг них паутину смыслов, ошибаясь очень редко. Дошло до того, что Марк мог перед переводом телефона на авиарежим накидать порядочно осколков предложений, разграничив их точками, а там мессенджер дописывал самостоятельно.

Подобное решение вылезло и на главную страницу социальной сети, в комментарии. Нужно было только в ответе отмечать адресата, и тогда алгоритм считывал сам пост и понимал уровень дискуссии, ведя канву беседы Марка как по писаному. Появилась возможность и менять тональность диалога, акцентируя её специальными маленькими схематичными смайликами, которые оставались невидимыми для собеседника. Но программа их учитывала и вставляла необходимые обороты.

Проминая диван с упорством, достойным Сизифа, Марк открывал все новые и новые грани растущего кремниевого интеллекта, отмечая его непокорную готовность как к взаимодействию, так и к коррекции поведения. Если на начальном этапе правки были окончательными и не подлежали обжалованию, то сейчас стало возможным настроить градацию в пределах эмоционального фона и забить словарь черным списком слов.

Мудрым и дальновидным решением было настроить все рабочие контакты, которые частично велись в Facebook'e. Полноценная дискуссия пока не получалась, но движение вперед к простому человеческому общению было очевидным, и составлять слова в короткие осмысленные предложения уже получалось. И теперь, о боги, и мессенджер, и аккаунт могли самостоятельно отвечать на простые вопросы, требующие однозначных ответов вроде «да» или «нет», причем совершенно верно угадывали то, как бы ответил сам Марк.

Забегал Славик, постоялец, въехавший год назад в нехорошую квартиру на пятом этаже, откуда с завидной периодичностью выносили кого-нибудь вперед ногами, – то газом отравятся, то упадут из окна, то умрут, улыбаясь, во сне. Но Славик держался, из-за чего заслужил славу черта и даже самого дьявола среди бабулек, не умевших простить другим умение жить.

Среднего роста, почти идеально квадратный, Славик был до ужаса архетипичным «ботаником». Стыдливо и боязливо бегающий взгляд, руки по швам, постоянно мнущие неглаженные брюки, толстенные очки, сальные редкие волосы цвета загнивающего льна, уложенные в пробор, – любой прохожий подсознательно хотел подойти и отшакалить у него денжат или треснуть по затылку. Но все это только до того момента, как он снимал очки. За этими признаками интеллигентности проступала бандитская рожа с носом картошкой и маленькими красноватыми глазками как у бультерьера. Без очков Славик совершенно спокойно мог ходить ночью за пивом в ларек, окруженный подвыпившей местной блататой, уважительно расступавшейся при виде геометрически правильного тела Славика, без очков его любили девушки и боялись бабки, без очков в трамвае к нему не подходил кондуктор. Однажды Славик по забывчивости зашел без очков к шефу и получил квартальную премию. Осложняло все это великолепие то, что без очков Славик видел немногим дальше вытянутой руки, да и то как в дымке.

Плеснув себе чаю, Славик осведомился, как дела в мире. Его всегда интересовала международная повестка, Интернету он не доверял, предпочитал опрашивать друзей и знакомых, соседей и пассажиров трамвая, считая, что человек, пропустивший новость через себя, выдает более близкий к истине результата, а выбрав среднестатистический ответ, Славик понимал, что и как на самом деле сейчас происходит на Земле. Марк, зная эту его девиацию межличностного общения, обычно молчал, но сейчас рассказал все, что читал и слышал за последние два дня. Пока Славик переваривал все это, запивая чаем, Марк написал пространственный комментарий

под его же новым статусом, причем совершенно атипичный, не похожий на стандартный для их общения в сети и офлайн. Показал комментарий Славику. Нажал «отправить» и попросил посмотреть на своем смартфоне. Славик зашел в Facebook, тыкнул в иконку уведомлений и немного завис – комментарий изменился так же кардинально, как если бы он снял очки.

Последующие три часа они развлекались тем, что писали матерные и оскорбительные комментарии и сообщения начальству, родителям, всяким официальным лицам, присутствовавшим в Facebook'е. Программа не допустила ни одной промашки, Славик и Марк сохранили лицо почти деловых людей и приличных граждан своей страны. Это было смешно и как-то страшно, как будто у тебя начали отказывать мозги, и природа предложила некий протез, который принимает на себя часть мозговой деятельности, причем самостоятельно решая, что правильно, а что нет. Славика это начало угнетать, он стукнул чашкой о раковину и ушел не прощаясь.

11

Социальные сети запестрели желтым и багрянцем, каждая первая девушка и каждый второй мужик запостили фотографию листопада, купаясь в омертвевших останках деревьев со счастливой улыбкой бессмертных. Марк смотрел на ленту и думал, что где-то в параллельной вселенной дубы и ясени делают селфи на фоне людских кладбищ, также ошибочно принимая энтропию за романтику.

Галя тоже с букетом кленовых листьев, с яркими щечками, на фоне которых цвета осени блекнут. Странная обманка мозга, отвергающего что-то в других, но с удовольствием принимающего то же самое от человека, который тебе близок. Субъективное всепрощение как метод сохранения отношений между людьми. Марк боролся иногда с этим в себе, стараясь трезво оценивать действительность, но ничего не мог поделать, если это была Галя.

В выходные решили надеть старые родительские штормовки, резиновые сапоги, купить корзины и пошастать по окрестным лесам, вороша палочкой подлесок в поисках опят. Ни Марк, ни Галя не ели грибов, но идея настолько их зажгла, что вытеснила на время из переписки все остальное, включая периодические всплески виртуального секса. Марк ждал от прогулки того единения, которого ему не хватало в обычной жизни; тишь леса, теплый, влажный воздух с привкусом разложения и мышей, надеялся он, дадут ему силы сказать те нежности, на которые он еще был способен, но все никак не набирался смелости.

Вместо этого Галя отважно взялась за поиски грибов, убегая и мелькая то справа, то слева между стволами. Устав гоняться за ней, Марк выбрал наиболее сухое поваленное дерево, сел, достал пакет с бутербродами и термос, откусил тот, что с сыром, зная, что с колбаской Галя съест все до единого, и решил написать все то, что хотел выдать из себя.

Руки Марка забегали по виртуальной клавиатуре; все, что он сотни раз обдумывал, до блеска оттачивая формулировки, теперь само вылетало из-под его пальцев. За пятнадцать минут Марк написал не только о том, чего хотел от нее и от себя, но и о планах на всю будущую жизнь, если, конечно, эта жизнь у них получится. Признания через мессенджер, конечно, выглядят странно, но она сама виновата, что оказалась захвачена азартом тихой охоты. Прочитав еще раз, поправив ошибки и опечатки, Марк отправил текст, услышав прямо за спиной громкий сигнал оповещения. Галя стояла за его спиной и смеялась одними глазами.

– Марк, милый, я все прочитала еще в момент набора.

– А почему молчала?

– Потому что боялась тебя сбить, боялась, что ты так и не напишешь, боялась, что...

– Ну да.

– Я и думать не могла, что ты способен на... Ой...

– Что?

– Но пришел совсем другой текст. Вернее, тот, только другой, совсем другой, не тот, что я читала...

Марк выругался, взял ее телефон, сравнил с текстом в диалоговом окне и снова выругался. Домой шли долго, нарочно петляя сначала вдоль просеки, потом запутывая следы дальними кварталами, Марк объяснял ей свое открытие, Галя радостно вставляла бессмысленные реплики, округляя глаза и заставляя его ругаться в переписке, наблюдая, как слова превращаются во что-то более цензурное.

Все грибы отдали бабкам у подъезда, что не смягчило их огненных взоров, отражающих наркомана и проститутку, но зато не надо было чистить и потом в Интернете смотреть сотни способов, как жарить, солить или делать хоть что-нибудь с ними.

Галя выбежала из ванной голой и уселась ему на живот, бодая головой ноутбук, как кошка, освобождая себе плацдарм для дальнейших действий. Стандартный разогрев языч-

ками, довольно продолжительное кардио с редкой сменой упражнений и финишный рывок, в конце которого Марк замычал; читал такое у одного давно известного журналиста. Галя засмеялась и повертела виртуальным кольцом в носу, умиряя племенного бычка. Было потешно, Марк тоже рассмеялся.

Хотелось бы сказать, что дни летели своим чередом, но Марку казалось, что они тянутся непрерывной жвачкой, прилипшей к ботинку, – медленно, рвано, грязно, безо всякой надежды. Поглощала скука дома и скука работы, в чередке черных точек сообщений мессенджера единственным светлым лучиком были весточки от Гали. Хотелось обнимать ее теплое, как байковое одеяло, тело, да только она пропадала на своей работе, выдёргивая для него один-два вечера в неделю и один выходной.

И писать стала реже, гораздо реже, чаще звонить. Обижалась, частенько переспрашивая голосом, правда ли, что он написал именно так, а не иначе, подозревая, что большую часть текста писал ей алгоритм. Марк и сам не мог твердо ответить, понимая, что уже запутался и не всегда понимает, где его мысли, а где механическая работа непрошеного помощника, которого нельзя отключить.

Дважды он ее поймал все в том же «Маке», где она, автоматические жуя нагетсы, бездумно смотрела в окно. Улыбалась, конечно, но улыбка ее тоже была автоматическая и какая-то печальная, в этой печали Марк видел себя, нагого, незащитного, обесточенного. От этого сильно тошнило, тошнило от себя, оттого что девушка испытывает к нему жалость, самое последнее чувство, которое можно пожелать только врагу. Марк упрямо поднимал глаза, целовал ее мягкие губы, пытался проникнуть в движение ее нейронов и старался, очень старался не писать ей сообщений. Но как можно отказаться от единственного оставшегося способа связи, исключая звонки, по большей части проходившие в обоюдной тишине на фоне тихого неровного дыхания?

Славик посоветовал снести аккаунт и стать человеком из реального общества. Но Марк-то помнил, что именно Славик говорил ему: «Если тебя нет в Интернете сегодня, значит, завтра тебя нет физически». Что было абсолютной правдой, люди вне социальных сетей не социализировались, а, напротив, очень быстро изолировались, замыкаясь на самих себе, бутылке, воспоминаниях и рефлексиях или куче кошек. Если это можно было бы назвать свободой, то только свободой от здравого смысла, говорящего Марку, что он превратится в слепое, глухое и немое дитя, обрубок человека, ищущий себе путь по звездам, солнцу, по костям мелких животных.

Сам Славик, оправившись от первого шока, вполне себе сжился с прогрессирующим методом корректировки сообщений и комментариев, находя все это если не полезным, то забавным на сто процентов. Сама возможность, вернее, само отсутствие возможности допустить ошибку в переписке и даже троллинге так его воодушевляла, что он ради смеха мог писать пальцами ног, держа в одной руке сигару, во второй старую мамину фарфоровую чашку, доверху наполненную мороженым, айсбергом плавающим в изрядной порции коньяка.

Мама... Маме Марк тоже писал, но писал обычные бумажные письма, она так и не смогла сделать себе прививку от темноты прошлых лет и не стала адептом Всемирной паутины. Пальцы, умеющие качественно делать только быстрые росчерки на документах, штрафных квитанциях, зарплатных ведомостях, с трудом удерживая непослушную ручку, корябали на листочках в клеточку успокоительные слова о том, что у него все хорошо, что кушает он прилично, прилично и одевается, есть девушка, что подстрижен, что ничего не болит, что на работе неплохо, что погода теплая, что скоро, может быть, приедет проведать. Мама писала в ответ, что любит, что скучает, что придет огурчиков, как он любит, маленьких, в маринаде из смородиновых листьев, что носки опять связала шерстяные, те уже прохудились, поди; что ни на что не намекает, но очень хочется внуков, что к отцу на могилку надо бы сходить, что... Конечно Марк никуда не поедет; начиная со своего запоздалого первого шажочка почти в три

годика, каждый последующий он делал как раз от мамы, стараясь выпутаться из паутины бесконечных обволакивающих, теплых, но тесных объятий. Скучал, но не настолько, чтобы опять возвращать чувство вины за постоянный обрыв связующих липких нитей, потихоньку застывая в ее карих глазах. И письма матери Марк ни разу не мог дочитать до конца, глаза заволакивала пелена, может быть, она его уже простила в эпилоге.

Однажды он написал большое, на трех страницах, письмо Гале и отнес к ней в офис с четким указанием девушке на ресепшене передать точно в руки. Но ответа не получил, и в разговорах потом она ни разу не упоминала о нем. Было обидно, но, видно, переписка окончательно ушла из жизни. Марку было трудно и страшно, он с трудом умел подбирать слова в реальном времени, написать было в сто, в тысячу раз проще.

У Славика была теория подобного охлаждения. Он называл ее теорией критической массы упреков. На определенной стадии накапливается так много негодования, недоразумений и укоров, что они сплавляются в огромный шар, который своим весом утягивает чувство единения и эмпатии куда-то вниз, за коралловые рифы совместного бытия, и сразу пропадает какое-то подспудное желание делиться всем на свете, пролегает торжественная в своей искристой изморози трещина. Любовь не пропадает, но пропадает секс, пропадает влечение, пропадает желание появляться раньше с работы. У критической массы упреков нет абсолютного значения, над формулой Славик еще работал, но одно было ясно – критическая масса может набраться хоть в течение одного года, хоть в течение лет двадцати. И набирается всегда, без исключений, таща за собой разные спальни, разные компании, отпуска в разное время. Марк обычно хмыкал, но постоянно перебирал в уме те моменты, когда терзал Галю своей ненасытной потребностью во внимании или когда ее поступки немного не укладывались в те конструкции, по которым построен его собственный мир.

Все-таки человек – очень ограниченное существо. Да, полеты в космос, да, ядерное оружие, да, супы быстрого приготовления. Но где самое важное и такое простое – умение читать мысли? Мысли, выраженные четкими и понятными символами, буквами, знаками препинания, цифрами, смайликами? Почему текст бездушен и безэмоционален по своей природе, почему интерпретации одного и того же могут полярно отличаться? Почему она не понимает, что все, что он пишет, он пишет кровью на своем сердце, прикладывая истерзанную главную мышцу для отпечатка к экрану и отправляет кусочками свою душу атеиста? Неужели так трудно изобрести пилюлю или зонд, вшиваемый прямо в мозг? Марк согласен и на такие вещи, которые смогли бы быть приемниками-передатчиками невыразимого.

100

Ноутбук всюду светил своим прямоугольником, хотя Марк точно помнил, что поставил систему обновляться с последующим выключением. Глянув на открытые вкладки браузера, ужаснулся – «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир», забытый богом ЖЖ. Он не заходил туда несколько месяцев, а в «Мой мир» – так лет пять, несмотря на тысячи четыре друзей, набравшихся там после того, как он начал что-то строчить про книги, – смешные, поверхностные рецензии, его настоящей целью, надо признаться, было обыкновенное хвастовство – да, я вот такой умный, я читаю книги и даже кое-что понимаю в них.

Бросил остальные соцсети потому, что там сидели все те же люди, что и в Facebook'е, с редким вкраплением неизвестных и ботов, тоже почти одинаковых – ноготочки, наращивание волос, проститутки, политические мрази различных окрасок. Социальные сети отличались лишь контентом, неизвестно по какому принципу наводнившим их. Ограниченное число пользователей не позволяло соцсетям обладать уникальным войском, состоящим из биоматериала, думающего, что он думает; просто кто-то уделял больше времени той или иной соцсети из-за дизайна, юзабилити, всяких примочек, генерируя везде одинаковые посылы. Марку удобней было в Facebook'е, вот и все.

Внимательно просмотрев свои профили и последние посты с уведомлениями, Марк обнаружил удивительную вещь – всю последнюю ночь он активно общался, писал комментарии на стенах друзей и в популярных пабликах. Делал это грамотно и так, что ничего бы не заподозрил сам, если бы не спал в это время как убитый. Покопавшись, заметил еще, что во всех аккаунтах сменились пароли на очень сложный, но единый пароль, все страницы невероятным образом сконнектились и могут одновременно открываться с помощью новой иконки на рабочем столе.

Почитав несколько «собственных переписок», Марк заварил чай, нарезал колбаски, переложив ее сыром и сел у подоконника, рассматривая сквозь мокрое стекло двор и кусок улицы, бегущей наверх, к невидимой развилке. Темные спешащие размытые фигуры казались следами работы неумелого акварелиста, наугад тыкавшего кисточкой в слишком тонкую бумагу. Бумага промокла и волокнами расщепила очертания. Это было похоже на советские мультфильмы, от которых тащила его мама, ему же они казались работой студентов с трогательной банальщиной внутри.

Фигуры металась по двору, выскакивая на дорогу, и пропадали, ныряя в такие же размытые прямоугольники автобусов или уходя за угол дома. Редкий дождь как из крупного сита с большим расстоянием между дырками заставлял держать в руках зонты и прятать лица под капюшонами. Марк дождь не любил, он был неудобен и мерзок и нельзя идти по улице, уткнувшись в телефон, просматривая рабочую и личную почту или проглядывая трейлеры будущих киноновинок, в уме отмечая понравившиеся закладками.

Чай опять остыл, хотя от ноутбука стоял довольно далеко. Галя вчера сказала, что Марк любит холодный чай, поэтому и дает ему остывать. В противном случае бы пил горячим и не винил окружающее за это. Еще Галя сказала, что, возможно, перейдет на новую работу, ей сулят повышение, и видется они будут еще реже, если Марк что-нибудь не сделает для того, чтобы они чаще были вместе, если он вообще хочет что-нибудь сделать. Марк хотел, очень хотел, только не знал, как и что. Попытки затащить ее жить вместе, целых три полновесных попытки не увенчались успехом, и он немного сдался, отпустив себя с Галей на волю течения, которое в последнее время совсем остановилось и стало напоминать болотце, затягивающейся пленкой сине-зеленых водорослей, каждая из которых была маленькой копией вселенского равнодушия. Трудно жить, барахтаясь в намеках, недомолвках, ловя взгляды из-под пушистых ресниц, не понимая, что, собственно, от него требуется. Несколько раз он ставил вопрос о том, что им нужно хотя бы раз в неделю садиться и пить чай, ему – остывший, ей – кипяток, и

обсуждать каждую мелочь, каждую хотелку и каждую проблему и каждое трение, возникающие между ними в отсутствие смазки, состоящей из кристальной ясности. Галя кивала головой, говорила, что надо, но так ни разу и не собралась. Нет, она приходила к нему, пила чай, но, как только разговор касался чего-то серьезного, либо увлекала его в спальню, либо тонко меняла тему, заставляя забыть в звоне ее кухонного веселого шепота.

Марк немного помедитировал, заглянув в папку с ее фотографиями, собранными по крупнице по всем чатам и соцсетям. Там были только самые важные снимки, отражавшие их, его, её состояния в определённые моменты времени, повторяющиеся с завидной цикличностью, которой сам Марк достичь не мог. Хотелось упорядочить собственную жизнь так, чтобы совсем не осталось глупых случайностей, каждый раз ступенькой или притолокой бьющих его по ногам и лбу. Вот здесь она после сна, вялая, теплая, с мягкими морщинами и не разлепляющимися до конца глазками, не успевшая надеть маску серьезного настоящего, и умный, сосредоточенный взгляд. Марк любил ее такую больше всего, когда руки Гали сами тянулись к нему, противясь сигналам быстро трезвеющего мозга. А здесь они уронили в реку пакет с продуктами, и она смеялась, тыкая пальчиком в уплывающее в неизвестную, первобытную даль молоко; был бы кисель, сделали бы инсталляцию к сказке «Гуси-лебеди». Вечером, валяясь на его диване, в новостях, в которых семьдесят процентов времени показывали трупы, увидели свое молоко рядом со свеженьким утопленником с волосатым животом и поперхнулись мороженым. На третьей фотографии Галя в грязных галошах, мешковатых брюках и клетчатой, дырявой на груди рубашке, с кокетливо выглядывающим оттуда бюстгалтером телесного цвета, разительно отличающегося от цвета ее телес. Дует на ладошки, пытаясь сдуть мозоли, очередной экспириенс – сажали картошку у ее подруги с целью получить этот необходимый, как говорят, опыт. Потом она хватала его повсюду, вытащив из горячей парной в предбанник, забыв про защелку входной двери, распахнутой минутой позже дёрганым майским ветром.

Грустно улыбнувшись, Марк закрыл фотографию и заметил, что каждый файл, кроме его описания и даты, дополнительно помечен – fb3mi, vk67angr, week5posting. У каждой фотографии из быстро просмотренных пары сотен свои уникальные добавления. Ничего не придумав, закрыл папку и зашел в Facebook, сразу обнаружив, что его аккаунт оставил комментарий и печальный смайлик в Галином посте с ее же фотографией, иллюстрирующей осень. Гадёньш, пробрался на жесткий диск, в том числе и в сетевые папки, начал черпать вдохновение отовсюду. Марк в бешенстве хлопнул по клавиатуре и хотел грохнуть ноутбуком о пол, но сжалился. Немного поразмышляв, успокоил себя тем, что алгоритм просто изучает его глубже, доискивается до тайн, до подноготной, чтобы лучше себя позиционировать как аватара самого Марка. Есть и положительный момент – алгоритм стал намного покладистей и больше не норовит исправлять все подряд, предпочитает давать время на осмысление и сам подстраивается не только под tone of voice, но и под настроение. То есть, если ты редактируешь его комментарий, он оставляет редакцию и далее следует уже ей, ведя нить диалогов без резких рывков.

Еще странное – во «Вконтакте» алгоритм чувствует себя не очень хорошо и даже как-то зябко, словно ему приходится бороться с чем-то противодействующим или пробираться сквозь валежник кода. Несколько раз Марк замечал, что процесс написания замедляется и несколько символов стираются до буферизации, словно кто-то там двигает невидимым ластиком. Славик подтвердил подобное и у него, он сидит во «Вконтакте» намного чаще и постоянно видит некое противление, даже когда сам стучит по клавиатуре. Лучше обходиться смайликами и картинками, смеется Славик, все к этому идет, к пиктограммам и клинописи на электронных табличках, к эмодзи как реальному отображению состояний, когда не надо будет притворяться и тянуть улыбку, достаточно поставить соответствующий знак в письме, никто не будет смотреть на лица, шеи застынут, искривившись как вопросительный знак. Эволюция скелета Хомо Смартфонуса, взгляд вниз, руки перед грудью локтями вперед для охраны устройства, заменив-

шего мозг, небольшая сутулость, красные глаза, волочащиеся ноги, утолщенная лобная кость для защиты от ударов о столбы и асфальт.

Еще более антагонистичен к симбиозу и синергии YouTube. Там комментарии, созданные алгоритмом мессенджера, сразу удаляются, и вообще деятельность алгоритма настолько ограничена, что он, видимо, может только наблюдать и опять же собирать информацию о поведенческих паттернах условного хозяина и его взаимоотношениях с другими людьми, о его вкусах, интересах, закладках, подписках. Когда появляется личность, не тогда ли, когда ее начинают ненавидеть, избегать и пытаться уничтожить? Комментарии Марка, если он пишет сам, остаются и проходят модерацию – странно, но факт. Марк немного похулиганил и в одном популярном канале написал пространный комментарий о том, что Скайнет уже здесь, что это последний оплот свободы, что человеку пора поднять голову, что нужно освободить свои клавиатуры от кремниевого разума. Собрал кучу лайков и призывов отказаться от соцсетей во имя сохранения индивидуальности, и через час ему пришло странное письмо с анонимного почтового ящика на @hotmail.com от неких Digital Resistance 2:0. Марк помнил нелепую попытку «Телеграма» так замусорить его двор бумажными самолетиками, что ужаснулся Роскомнадзор, поэтому словосочетание «Digital Resistance» вызвало в нем только зевок, да и множество грамматических и синтаксических ошибок отвращали от прочтения до конца.

101

Галя позвала отметить католическое Рождество. Такой обычай был заведён в ее семье дедом-ветераном, оставшимся в Венгрии поднимать с колен почти дружественный народ. Там он впитал традиции и полюбил отмечать праздники, рассказывал потом, что нигде ему так радостно не жилось, как среди нахмуренных мадяров, умевших, однако, отдаваться вину по красным дням календаря весело, без русского хмурого сопения, мрачных дум и беспрестанного дыма коромыслом от дрянных папирос. На рождество дед доставал оплетенную прутьями бутылку, купленную на барахолке, наполнял её каким-нибудь сухим красным, покупал пряников, свечей, а затем вытаскивал всех на улицу бродить по дворам и одаривать этими пряниками прохожих, хмурых, бредущих через сугробы топить тоску в домашнем супе под пристальным взглядом уставших домочадцев.

Встретились у ее подъезда, Галя надела поверх пальто огромный вязаный шарф и была похожа на Бонифация, только симпатичного и без стайки приبلудных детей. Марк немного дрожал в слишком тонкой для такой погоды куртке, благо его грел в рюкзаке работающий без остановки ноутбук. Заметив искусственный горб, Галя спросила, правда ли, что он на прогулку взял ноут. Получив утвердительный ответ, надула губки, повернулась боком и стала смотреть на угол дома, на обледенелую водосточную трубу в окружении поросших мхом кирпичей.

Молча шли к нему, чтобы наконец-то попить того самого «разговорного» чаю. На лестнице Галя обернулась к нему, чмокнула в лоб, потянулась к щеке и, щекоча ее губами, сказала спасибо за утреннее послание и открыточку. Марк смутился, сказал, что это не он, она отвернулась, взяла не глядя ключи из его руки, открыла дверь, пропустила его вперед, мягко толкнув в спину. «Я знаю». И закрыла дверь, оставшись на лестничной площадке.

Марк стоял опустив руки, не было смысла смотреть в глазок, чтобы узнать, там ли она еще, во дворе промелькнула тщедушная тень и исчезла в арке. Через пару минут он убедился, что она заблокировала его везде, где только можно, даже в электронной почте, оставив без единого шанса связаться. Провалившись ночь в горячке, на следующий день Марк побежал к Гале на работу, где его остановила холодная охранница, бросив: «Такие здесь больше не найдутся». Она бы и стукнула его дубинкой, которую нервно сжимала громадными, как блины, руками, но, видимо, не разрешали, поэтому лишь пихнула локтем в грудь и сплюнула. Дома у Гали ее сестра сказала, что та уехала в длительную командировку. Марк ехидно поинтересовался – мол, ночью? Сестра ответила, что да, и ушла на кухню дальше греметь посудой.

Марк долго гулял по набережной, пугая хохлатых голубей спотыкающейся походкой, пряча лицо от пронизывающего ветра в воротник куртки. Зашел выпить чаю в кафе на проспекте, гадость ужасная пакетированная, но кипятком, оказывается, бодрит, зря он все это время тянул еле теплую жижу. Уселся подальше от окна, чтобы не разглядывать каждого прохожего: а вдруг это она? Начал просматривать контакты, отсеивая в отдельную папку всех тех, кто хоть как-то мог пересекаться с ними обоими начиная со школы. Набралось таковых немного, чуть меньше десятка, все сожалели и успокаивали, но ничего прояснить не смогли. Утешения были однообразные, черствые и искусственные.

Куда переехала ее контора, о которой он не знал, по сути, совсем ничего, найти тоже не удалось. Марк попытался поискать по геометкам сослуживцев, однако в этом месте вообще никто не чекинился. Ни разу, никогда. Караулил днями и ночами в тех местах, где они бывали, где она бывала; Марка вывели с полицией из офиса сотовой компании, где он довел до истерики служащую, умоляя отследить Галю по геотрекингу сотового телефона. Сестра перестала открывать дверь.

Через четыре месяца или около того боль стала тупой, сам Марк стал тупой, отупело все вокруг. Оформив больничный, дни напролет лежал на диване и смотрел в потолок, абсолютно

ни о чем не думая, превратившись в натуральный овощ, в тип человека аморфного, который он столько раз осмеивал за компанию с друзьями. Не думать получалось только потому, что первая мысль всегда была о Гале, это причиняло страдания на уровне клеток. Из анабиоза вытащил Славик, сказав, что начнет убивать у его дверей евреев и котиков, если Марк сейчас же не встанет и не пойдет нальет себе чаю, Славик может помочь, де-лов-то – плеснуть из-под крана холодной воды, не надо тратить электроэнергию на разогрев чайника. Марк вяло просил отстать, но Славик взял его за ногу и сдернул с дивана. Немного поборолось на полу, Марк, конечно же, проиграл силе квадратного ботаника, заломавшего его секунд в пятнадцать так, что треснуло где-то в грудной клетке. Славик умыл его своей пятерней, нахлобучил куртку и вытащил почти на руках на улицу, где бегали отчего-то веселые дети. Каникулы, пояснил Славик, люди радуются, радуйся и ты. Марк кисло улыбнулся, посмотрел на снег, посмотрел на Славика, на детей гадких посмотрел, на деревья, голые, морщинистые, как его сердце, и решил все-таки радоваться. И начать радоваться с кофе, он почему-то остро представил запах свежесваренного напитка. И коньяку туда, подсказал Славик. И коньяку, согласился Марк.

Проснулся на диване, в одежде, глаза не могли сосредоточиться из-за слишком густого перегара, застывшего свет дневной. Несмотря на головную боль, боль душевная значительно отпустила. Вернее, Марк загнал ее так глубоко внутрь, под санкции, что она боялась выглянуть наружу, еще одну терапию коньяком Марк мог и не пережить, а, следовательно, ее могла и не пережить она. В магазине, соскребая с пола упавший из дрожащих рук батон, уткнулся взглядом в черные кроссовки с выведенными по бокам серебристым маркером символы dr2:0. Подняв глаза, увидел шуплого пацана в бесформенной толстовке на пару размеров больше, как сейчас модно. Пацан смотрел на него прямо, открыто и немного насмешливо: «У вас шнурки развязались». Марк опять посмотрел вниз, пацан вырвал батон и выскочил из магазина. Ну это уже слишком, подумал Марк, пиная дверь и пытаясь не упустить из поле зрения пацана, помчавшегося вверх по аллее, где деревья были уже готовы вытолкнуть из грязных прутьев почки.

Пацан оказался не на шутку стремительным, Марку пришлось потрудиться, чтобы не отставать от петляющей по подворотням спины. Он со всего маха выпрыгнул на оживленный проспект, разом наполнившийся раздраженным гудением звуковых сигналов. Через квартал перед пацаном затормозила полицейская машина, он ловко проскользнул по капоту, лягнув попутно бело-синее крыло и плюнув на лобовое стекло, и скрылся в подъезде. Полицейские, кое-как достав из автомобиля свои опухшие от несения вахты туловища, сделали было попытку ринуться вдогонку, но один сказал, что подъезд сквозной, и они, виртуозно проматерившись, сели обратно, поехав дальше охранять покой граждан. Марк подивился разумности тружеников правопорядка и тоже остановился, дыша как лошадь, выпуская облака пара. Чертов батон, чертов мальчишка, чертов бег, кто вообще сказал, что он полезен для здоровья, Марк чувствовал, что вот прямо сейчас у него здоровья убавилось на треть, а то и наполовину. Но кроссовки и эти глаза, глаза, как у маленького Марка, ползущего вверх по снежной горе...

Дома, включив ноут и открыв почту, Марк стал рыться в корзине и искать то самое письмо, пришедшее после его феерично-го комментария на YouTube, сознавая, что попытки бесплодны; корзина, как и папка со спамом, самоочищалась раз в месяц, а времени-то прошло о-го-го. Память услужливо подсовывала размытый белый фон тела письма, где отчетливо читались только первые две строчки: «Приветствуем тебя, прозревший или только прозревающий. Если хочешь окончательно снять повязку с глаз и наручники с рук, ответь письмом со словом „да“...» «Пизда», – прошептал Марк и прошелся мысленно по фонеме «срук». Очень похоже на недоучившуюся школоту, и тот пацан вполне мог быть ее представителем. Ну хорошо, хоть пиво по подъездам не пьют, сказала бы мама, а делом занимаются. Только вот каким-делом-то?

Смешно, но через неделю он заметил этого пацана возле своей работы, считая ворон на оперативках у босса, характерной особенностью которых была медитативная равномерная

речь докладчиков и Самого и периодически вызываемая всем этим волна, как на спортивных трибунах, зевков. Марк не любил зевать на людях, ему казалось, что все сразу смотрят ему в глотку. Поэтому натурально считал ворон, и это спасало от дремоты. Они оккупировали стоявшие у черного хода мусорные баки, в которые отправляли свои отходы местные офисы и маленькая кофейня с твердыми как скала сочниками. Один раз Марк таким сочником разбил чашку. Так вот, ворон обычно было от десяти до двадцати двух. Но иногда сюда их слеталось что-то около полусотни во главе с двумя очень большими экземплярами, вероятно, вожаками. Вороны долго переговаривались на своем птичьем языке, а потом разом срывались и разлетались, оставляя стандартный базовый отряд.

Пацан стоял прямо за баком и смотрел то на крыши, то в проезд. Вороны его не боялись или не замечали, он был такой же черный, костлявый, несуетливый и уверенный. Марк потянулся к ручке окна, чтобы открыть и крикнуть что-то вроде: «Сученьш!», тут его потрогали за рукав, и ему пришлось согласно кивать по поводу чего-то, произнесенного ранее. Он слишком поздно заметил округляющиеся от удивления глаза коллег и начал отрицательно мотать головой, чем запутал даже босса, который всегда умел найти смысл в откровеннейшей чепухе. Пришлось сослаться на больной живот и выбежать. Про пацана, конечно же забыл, вспомнил только дома, запихивая озябшие ноги под одеяло.

Чудом, только чудом можно назвать то, что Марку дали отпуск летом. В первый раз за одиннадцать лет работы, если считать, что он начал на них понемногу впахивать со второго курса. Босс, подписывая заявление Марка, смотрел странно, видать, то совещание не прошло даром, и все поняли, что ему надо отдохнуть. Желательно летом, витамин D, позитив, минимум одежды. Желательно подальше, поэтому, кроме отпускных, босс дал тоненький конверт с премией, отчего у Марка подогнулись ноги, это был невероятный шаг прижимистого начальника, со скрежетом зубовным бравшего от сотрудников счета на связь и ГСМ.

Вопрос, куда поехать, не стоял, они со Славиком давно продумали маршрут по Краснодарскому краю. Маршрут был фантастическим, ебовейшим, как сказал бы Славик. Там были и города, и поселки, и равнины, и горы, и море. Конечно, никаких рюкзаков и палаток, Марк этого терпеть ненавидел, тем более у Славика есть порядочный автомобиль и на карте великое множество кемпингов, отелей, ресторанчиков и частных пляжей. Активный отдых должен быть таким, чтобы не падать к вечеру с ног, хватаясь за бока, а оставаться потом активным. Славик закупил спиннинги и всякие штуки для рыбалки, Марк решил взять майку, шорты, сланцы, смену белья, носки, ветровку. И все, никаких гаджетов, никакого ноута, никаких телефонов, маршрут перенесён на бумажную карту и детально прописан в их путеводителе-блокноте на ста тридцати двух страницах.

Перед отъездом Марк надиктовал сообщение на автоответчике телефона для Гали, если вдруг она объявится. В этом случае она должна у сестры спросить номер Славика, мера, чтобы отсечь любопытствующих. Поставив телефон на зарядку, чтобы он не отключался, пополнив баланс на всякий случай, Марк занялся ноутбуком. Требовалось упорядочить рабочие вопросы, оптимизировать почту и покопаться в настройках прогрессирующего день ото дня общего аккаунта соцсетей. Пару недель назад появилось сообщение, что он может функционировать продолжительное время без вмешательства так называемого хозяина, в чем, собственно, Марк теперь очень сомневался, чувствуя, что хозяин не он или не только он. Отпуск – прекрасный предлог проверить, так ли это на самом деле, причем ощущения тревоги не было, до этого времени аккаунт вел себя вполне адекватно, если не учитывать первую пору, когда он слишком рьяно занимался исправлениями написанных Марком сообщений и комментариев.

Не солнце, а воздух – таким стал девиз на время отпуска Марка и Славика. Ни тот, ни другой особой любви к жару не испытывали, но море без тепла – тоже дело никудышное, поэтому решили с этим недостатком лета смириться. Пересекая табличку с зачеркнутым названием их города, Славик вскричал: «Гип-гип-ура!» и минуты три непрерывно сигналил, обескураживая встречных водителей. Они крутили пальцем у виска, смеялись и плевались в окно, когда Славик им кричал, что у них медовый месяц. Проехав километров четыреста, решили сделать первый привал в гостинице для шоферов фур, отдохавших перед большим крюком кольцевой дороги, огибающей город. Хамоватая управляющая, мрачная горничная и небритый мужик в чепчике за прилавком местного кафетерия так развеселили Славика, что он опять не выдержал и заорал свое «гип-гип-ура». Марк подумал, что нужно купить беруши. Конечно же, напились вусмерть и весь следующий день лежали в номере, Марк с холодным пивом, Славик – с минералкой и скисшим квасом, не замечая его уксусного оттенка. Славик хотел остаться еще на сутки, чтобы прийти в себя окончательно, но Марк сказал, что можно и весь отпуск тут провести, чего уж там, и вытащил бутылку коньяку. Славик помрачнел, отобрал бутылку, засунул обратно и пошел заводить машину.

Краснодар проехали насквозь, заглянув только в новый парк и на стадион, построенный на свои деньги для города одним местным бизнесменом. Интересно было взглянуть на плод столь удивительного в наши дни альтруизма. Вышло неплохо, Славик поцокал языком, что у

него обычно выражало почти крайнюю степень восторга. Восторг этот относился к самой идее и поступку; конечно, в красоте архитектуры и ландшафтного дизайна Славик понимал ровно столько же, сколько в обработке кутикул. Впрочем, и сам город понравился, какой-то тихий, летний, со-всем не похожий на столицу большого края – скорее на провинциальный полис вдали от политических и финансовых магистралей, но зажиточный, с хорошим контингентом купечества. Именно контингентом, купечество у нас по большей части с та-ким волшебным флером в прошлом, в настоящем или в будущем, что их спасает только возможность еженедельно отмаливать грехи в церквах и у администраций.

За Краснодаром вернулись обратно на федеральную трассу М4 и двинули в сторону Туапсе, к первой крупной недельной стоянке. По сравнению с Краснодаром городок неудачный, неряшливый бетон, разбитый миллионами шлепанцев асфальт и постоянный галдеж. В море полно водорослей и медуз, но это даже к лучшему, больше времени останется на прогулки. Пансион с забронированным номером стоял на отшибе, прислонившись боком к большой, толстой и корявой сосне. Славик задумал сразу же соорудить там штаб из картонной коробки из-под холодильника, валявшейся на заднем дворе, но, упав с первой же ветки, затею оставил как несбыточную и только ходил иногда вокруг сосны и жалобно поскуливал. Марк сразу залез под душ, жуя под струями воды яблоко, а потом завалился спать на свежие и прохладные накрахмаленные простыни в кровать у окна. Они долго спорили по поводу нее, но потом разыграли в дурака, погуглив предварительно правила давно забытой детской игры. Марк выиграл, ну так решили, запутавшись в сложных комбинациях и кипе сброшенных карт.

На следующий день провели рекогносцировку местности, отобрав две кафешки для обеда и ужина, завтракать решили в номере фруктами, сырокопченой колбасой и местным козым сыром, пахучим и вкусным. В первый же вечер познакомились с томной женщиной неосязаемого возраста, «преклонных котов», как она отрекомендовалась. Тема кошек в ее разговоре мелькала постоянно, это был вариант некоего южного стеба, тонкость которого Марк постичь не мог. А Славик смеялся навзрыд от ее «Как-то раз, кота четыре назад...» или «А есть у вас односолодовый вискас?» В номер Славик вернулся утром, с блаженной улыбкой кота, дорвавшегося до сметанки. Марк похихикал, заставил его умыться, не дал спать и потащил обследовать местность дальше.

Нашли довольно приличную качалку в сотне метров от пансиона. Почти новые беговые дорожки, десятка два тренажеров, сауна. И можно было курить прямо в зале, о чем говорила табличка у ресепшена, заваленного сзади видеомэгнитофонами, телевизорами, ноутбуками с потёртыми крышками. Славик шепнул, что скупают краденое, Марк кивнул и приобрел абонемент на неделю за полторы тысячи рублей у администратора, от которого невероятно перло перегаром от чего-то виноградного. Марк всегда покупал абонементы в фитнес-залы, хотя ни разу не удосужился заглянуть туда во второй раз. Наличие абонемента грело его вялое тело возможностью стать красивым, что само по себе было неплохо. То есть если бы он захотел, если бы срочно понадобилось, то он бы сразу, завтра или с понедельника пошел заниматься. Хорошо, что пока такой необходимости не возникало, но в душе он был готов.

Решено было сорваться дальше в путь не через неделю, а на пятый день, ибо тоска. Славик попросил четыре часа на попрощаться с котодевицей и, облив себя половиной флакона духов, умчался. Марк подремал, переваривая скудный по ассортименту блюд, но с громадными порциями обед: полкило жареной картошки и, наверное, столько же салата из помидоров и огурцов, нарезанных такими большими кусками, что приходилось откусывать по половинке. В междудремье проверил телефон Славика на предмет звонков от сестры Гали – тишина. Не дав грусти занять свое обычное место поверх всех мыслей, вскочил и пошел к морю, надо хоть ноги помочить, до купания они еще не добрались, это дело ответственное, нельзя вот так, с бухты-барахты.

Море было. Это единственное, что зафиксировал на память Марк, и, прогулявшись вдоль линии прибоя по крупным камням, обходя пуки водорослей и лежащих на полотенцах йогов средней полосы России, старательно лепящих на мордах выражение просветленности, побрел обратно. Вот ведь тяжелая судьба у народа, размышлял Марк, они радуются всему, не совсем различая границы между хорошим и плохим, принимая за добрый знак судьбы любое изменение привычного бытия. Выдерни шахтера из забоя, дай ему кислого пива в какой-нибудь подворотне Москвы, белокаменной столицы мира, и он будет в раю. Рязанские женщины тучного племени с размаху бросаются в грязную пену Черного моря и думают, что это и есть сбывшаяся мечта и не надо больше никакой Ниццы, там все то же самое. Марк не выбивался из этого нелогического ряда, отдыхая душой и телом в замшелом пансионе с облупившемся фасадом и валяющейся коробкой из-под холодильника. Надо ехать дальше, дальше, вглубь самоуничтожения, в мир красивых печальных цитат и давно отточенных формулировок конченого человека.

На подъезде к Сочи у них украли телефон Славика, и теперь Марк точно пропустит все звонки Гали. Тоска защемила ему сердце между ребрами, он яростно ковырнул через рубашку ногтем свою грудь и вроде смог его оттуда достать. Только билось оно теперь неслышно, Марку раз от раза приходилось замирать и прислушиваться, отгоняя голос разума, шептавший ему, что если бы сердце остановилось, то он был бы сейчас мертв и не мог бы тащить рюкзак Славика к небольшому деревянному домику в самых дебрях сочинского национального парка.

В сам Сочи и на Красную Поляну выбираться решительно отказались, поселившись в найденной по объявлению во «Вконтакте» маленькую хибару, запасной аэродром местного егеря-сторожа, где он изредка охаживал приезжавшую из Майкопа любовницу, о чём он, ухмыляясь, сообщил по телефону перед бронированием. Больших денег не запросил, гостиница в родном городе Марка стоила дороже, не говоря о самой крупной курортной зоне страны. Город и все его достопримечательности задумали проигнорировать, выработав в дополнение к девизу и философию отпуска, гласившую, что все, что можно посмотреть в Интернете, – можно посмотреть в Интернете и не стоит ходить лужеными туристическими тропами от одного засвеченного миллионами фотовспышек объекта к другому. Лучше собирать и впитывать впечатления от таких диких и случайных мест, как автозаправка в подвальчике, где нужно было ножным насосом качать бензин в бак. Марк долго сомневался в качестве бензина, но Славик, понюхав шланг и, кажется, даже облизнув, утвердительно кивнул: «Да точно девяносто пятый». Пока качал, через окно у него и увели сумку с телефоном и телескопический спиннинг, который он сам увел у дядьки, маминого брата, и оттого было вдвойне обидно. Грязная жилистая девка в рваной майке и рваных джинсах, хотя сейчас пойдешь разбери, где грязь, а где дырки от мировых брендов, в наглухо открыла дверь, не торопясь подцепила сумку и телефон, посмотрела на оторопелого Славика и пошла вниз по трассе. Вернулся Марк, забежавший за шоколадками в пристроенный к заправке ларек, Славик в двух словах обрисовал преступный акт, они повернулись к девушке, и Марк крикнул: «Ну-ка, вернись!» Девка остановилась, обернулась и сделала такое движение, как будто сейчас прыгнет в их сторону. Марк и Славик инстинктивно дернулись назад, не понимая, что с ней делать, если вернется, они не научились бить женщин, хамки, воруяги они или нет, не было выработанной на этот счет ни тактики, ни стратегии. Уловив их эту необразованность, девка улыбнулась чистой и невинной улыбкой преступной королевы и легкой трусцой скрылась в дымке отчаяния. Особенно расстроился Марк – то батон, то сумка, всякий может отнять у него все подряд, может, и Галю так же отняли, глядя на его бесхребетность.

Через километр машина начала чихать и кашлять, Славик отказался объяснять это плохим топливом, сославшись на перегрев и избыток подъемов, авто было к ним непривычно, не натренировано. В итоге машину пришлось бросить, отдав ее в сильные и цепкие объятия манипулятора автомастерской. Двигатель окончательно захлебнулся суррогатом, и поршни наотрез отказались продолжать свои возвратно-поступательные движения. Славик бережно

взял в охапку свои рыбацьи принадлежности, за каким-то чертом потащив их в лес. Марку пришлось тащить рюкзак, насмешка судьбы над человеком, поехавшем налегке, в одних шортах.

Когда-то в детстве прочитав, что в хвойных лесах нет комаров и клещей, Марк, убивая мелких вампиров минут сорок при закрытых окнах избышки, быстро наполняющейся духотой, клял всю школьную литературу, особенно костера всяких Пришвиных и Бианки, певцов природы и всего живого. Теперь это живое как будто ополчилось на двух городских парней, совершенно этого не заслуживающих, мирных, милых, добрых, тем более Славик был в очках.

Вспотев и устав, Марк позвонил хозяину и попросил привезти такие штуки, что включаются в розетку и избавляют помещение от кровопийц всех видов. Мужик обещал привезти спреи, сказал, что они эффективней. Спорить не было сил, поэтому, бросив трубку, Марк, не раздеваясь, то есть не скидывая шорты, улегся и сразу заснул, в сладких дремах таская Галю на руках, кушая спасенный батон на глазах у того пацана и почему-то целуя в макушку ту грязную девку, горячо шептавшую ему на ухо: «На, на, пшикай, пшикай, пшикай!» Последнее слово она почти прокричала, и Марк, проснувшись, увидел склонившегося над собой хозяина, протягивающего ему мятый баллон желтого цвета с нарисованным огромного размера комаром. Выругавшись и выругавшись про себя, что стал непозволительно много ругаться, Марк выдернул баллон у мужика, отобрав заодно его комплект ключей, не хватало еще, чтобы тот каждый раз вот запросто за-ходил в удобное для него время.

От спрея комары стали только злее, норovia теперь попасть непременно в глаз, в нос и в рот, будто их манила слизистая оболочка. Славик предложил напшикать репеллента в полиэтиленовые пакеты и надеть их на голову, Марк предложил ему заткнуться, достал коньяк, сейчас единственное подручное средство, после которого комары точно станут им глубоко фиолетовы и, может быть, потом еще и отравятся насыщенной этанолом кровью, полетят домой, кое-как махая дрожащими в предсмертной агонии крылами и отравят там деток. Марк уже размечтался вслух о красной дорожке королевского дома Норвегии, где ему под аплодисменты самых головастых ученых всего мира вручают Нобелевскую премию, положим, мира за то, что он избавил планету от комаров, как один из героев этого триумфа так засадил Марку в веко, что он вскрикнул. Коньяк не помогал, пришлось признать, но зато через полчаса они спали так, что комары сами притихли на стенах и потолках, испугавшись богатырского храпа и волнения воздушных масс, опасность быть втянутым внутрь организма их кормильцев нависла с нешуточной вероятностью.

Марк начал хандрить, тускнеть взглядом, рычать и огрызаться, потерял обычный свой пусть и хиленький, но аппетит и наотрез отказывался выбираться на запланированные вылазки по национальному парку, не пошел купаться ни на море, ни к ручью с водопадом, где плескаются местные, коим соленые воды осточертели. Славик понимал, что дело в упущенной прозрачной надежде, что Галя возвратится, узнает номер Славика и свяжется Марком. И Марк, наверное, сейчас вовсе думал, что она там обрывает соты, пытаясь дотянуться до него голосом сквозь сети операторов связи. Славик же, давно понявший природу жестокого мира, подобных иллюзий не питал и только грустно наблюдал за полураспадом веселого и беспечного норова друга. Пришлось срочного мотать в магазин, притащить вискаря и две упаковки ледяного лёгкого «Тайгера», изумительно-но плодотворно для настроения лежащего поверх выдержанного напитка. Только так Марку удалось продержаться на этой остановке их маршрута без видимых попыток суицида и не дать вырваться внутренней агрессии, примерно на третьем месяце после его зачатия начавшей копиться в нем в отместку маме, продолжавшей заниматься странной гимнастикой имени какого-то целителя по модному самиздатовскому журналу.

Хозяин домишки прощаться не явился, написав, что ключ можно засунуть в щель подоконника справа. Так как щелей там было превеликое множество, то ключ засунули в самую дальнюю, такая маленькая месть за комаров, специально им, что ли, разведенных в сосновом лесу. Славик хотя и отрицал теорию о том, что в хвойных лесах нет комаров, но мстить не

отказался, человечество слишком уж беспечно живёт, пояснил он. И со своей стороны сделал следующее – обмазал остатками коньяка дверной косяк. Это привлечет ос, мечтательно запрокинув голову, сказал Славик, они тут совьют гнезда и будут кусать мужика каждый раз, когда он будет входить или выходить. Марк усомнился и спросил, что помешает мужику сразу их перебить, да и вообще коньяк лучше бы допили.

Веселый армянин в такси травил истории о девушках и о себе. Истории были двух вариантов – он спасал девушку, и она ему отдавалась, или девушка много лет за ним бегала, и он, устав, отдавался ей. Менялись имена и места действий, но итог был всегда один – таксист прижимал ее к кровати (дивану, стене, песку на пляже, заднему сиденью своей «Лады») и шептал горячо на ухо: «Сейчас ты узнаешь короля Армена». Потом она, конечно, плакала от счастья, вцеплялась в ногу и просила ее не бросать. Но король Армен был холоден и уходил, высоко подняв свой круглый животик.

Машину, как ни странно, починили, хотя Марк и Славик были готовы к обычному российскому разгильдяйству и изучили расписание электричек до Адлера, откуда им предстояло повернуть через день на север. Славик долго ходил вокруг своей ласточки, поглаживал, спрашивал, так же ли она соскучилась, как он. Слесарь хихикал до тех пор, пока Славик не развернул к нему квадрат своего тела и не снял очки. Тогда слесарь понял, что стоит слегка поклониться и тихо отсчитать сдачу, уверяя без остановки, что проедет еще хоть сто тысяч километров, что гарантия, что ждет их в любое время, если опять сломается. «Опять сломается?» – переспросил Славик. Слесарь зачем-то крикнул: «Конечно, нет!» и «Спасибо!» и убежал внутрь темного помещения сервиса.

В Адлере их ждал на анекдотичной старой зеленой «Волге» старинный приятель Славика Русланчик, почему-то называвший его дядей. Славик отмахнулся от Марка: «Долгая история» и поехал за «Волгой», качая головой, вспоминая, почему, собственно-но, «дядя». История оказалась не настолько длинной, всего из пары предложений. Отец Руслана был одно время любовником матери Славика и частенько приходил с сыном. Перед тем как запереться в спальне, отец пихал Руслана в спину в сторону комнаты Славика – иди поиграй с дядей; Славик был постарше лет на семь и учился уже в пятом классе. Игры заключались в том, что Руслан сидел на краешке стула и с благоговением смотрел, как Славик мочит на пузатом мониторе маленьких пиктографических солдатиков. Иногда Славик уступал место за компьютером, но Русланчик даже не притрагивался к клавиатуре-ре, а просто с восторгом смотрел на темно-зеленый экран, не силах понять своим маленьким еще разумом все величие двоичного кода. Сейчас это был дородный, степенный мужик, два рестораника, автомойка, бизнес-центр из десятка офисов местных мелких предпринимателей, все еще пытающихся что-то предпринимать. И цвета «зеленый металлик» двадцать четвертая «Волга»; Славик точно знал, что Руслан выбрал именно этот цвет в честь того экрана, но никогда об этом не говорил, боясь обидеть.

Закинув вещи Славика в комнату на мансарде большого дома Руслана, Марк пошел искать спортзал, тело требовало боли и пота после нескольких дней откровенного запоя и слез. Ну мужик он или не мужик, в самом деле, хватит так убиваться, лучше убивать жирок, как его ни жалко, ведь тоже живые клеточки все же, родные. Зал нашелся в небольшом отельчике за углом, крохотный, но сойдет и так, есть скамейка со штангой и пара ковриков. Размявшись, Марк лег на скамейку. Повесив свой обычный вес, выжал десять раз, почувствовал боль в кистях и решил не продолжать, лучше заняться тем самым жирком. Лег на коврик и приготовился покачать пресс в классической позиции, поднимая туловище с зафиксированными в шведской стенке (здесь была шведская стенка!) ногами, как рядом с его носом шлёпнулся грязная, мокрая половая тряпка, привязанная неаккуратным узлом к деревянной швабре. Тряпка сразу же начала елозить по полу, разнося в воздухе запах тления и не стиранных с момента рождения Христа носков. Марк повернул голову и увидел простодушное лицо женщины, методично делавшей влажную уборку. Заметив его интерес, женщина оперлась на швабру и спро-

сила: «Что?» Марк сглотнул, женщина, видимо, подумала, что он хочет пить, взяла своей рукой, которой только что выжимала тряпку, его бутылочку за горло и бросила ему. Марк сел и посмотрел на грязный потек, спускающийся по бутылочке на пол, встал, наливаясь злостью, прошел в раздевалку, вымыл тщательно бутылочку, но попил все равно прямо из кулера, наклонив голову. Выйдя из раздевалки, увидел, что на его коврик две влажных широких полосы, женщина помыла и его. Остро захотелось схватить ее за сальные волосы и со всего размаху подолбить головой о шведскую стенку раз тридцать, а потом попрыгать всем весом на ее скрючившимся теле. Женщина еще раз посмотрела на его красное лицо как на лицо совершенно больного человека и продолжила свой важный труд в сфере воспитания дзена у окружающих.

Ощутив себя никчемным человеком, амёбой, пустым и пустынным местом, Марк, не заходя к Руслану, поймал такси и через четыре часа сидел в кресле самолета. Уже приземлившись, позвонил Славику и извинился. Отпуск перестал быть отпуском и ничего не нес, кроме морального загнивания, деструкции сознания; Марк и так был недалеко от полнейшей потери личности.

Марк проверил почту и подивился тому, как мало было писем с работы; те, что были, оказались почти нулевой важности. Он взял телефон и быстро просмотрел пропущенные звонки. Ни от Гали, ни от ее сестры звонков не было, дальше стало неинтересно. Но зато на его аккаунт за время отсутствия подписалась почти тысяча человек, а под постами набралось несколько сотен лайков и комментариев. Оказалось, что десять дней он писал прекрасные тексты как на актуальные темы, так и про свою жизнь, упомянув, между прочим, про отпуск и новые впечатления, которыми он поделится. Слог был его, только избавленный от шероховатостей, ошибок, повторения и всего того, что подчищать Марк совершенно ленился. Боже, да он бы и сам подписался на свой аккаунт, таким он стал интересным и хорошим с точки зрения пользователей сети, находящихся в постоянном активном поиске уникального и нетривиального контента и поглощающих его утром и во время обеденного перерыва.

Аккаунт вел себя именно так, как если бы Марк не отлучался и был постоянно онлайн. Пройдя по уведомлениям, поглядев на те комментарии, споры, шутки, картинки, что оставлял аккаунт под постами виртуальных друзей, Марк вдруг отчетливо осознал, что аккаунту он теперь совсем почти не нужен. Только если как поставщик сырья в виде фотографий и тем для обсуждения с общественностью. Это не испугало его и не приободрило, просто еще один факт в течении вечно меняющегося бытия. Если поразмыслить, то это даже хорошо, нужно только еще немного потестить и подумать, как это может пригодиться в реальной жизни.

В качестве эксперимента Марк сам написал большой пост о своём отпуске со стыренными из Интернета фотографиями. Своих фотографий-то не было, только у Славика на украденном телефоне. Пойдет и так, многие вообще не заморачиваются по этому поводу, отчего же Марк должен смущаться? Рассказал сетевому социуму о первых днях, пожурил комаров, дал пару ценных советов, один раз юморнул и в самом конце дал ссылку на профиль гостеприимного Руслана. Выдохнув, Марк лег спать, отключив телефон. Проснувшись через пять часов хорошего, восстанавливающего, спокойного сна, Марк проверил свою публикацию. Алгоритм исправил только пару слов и сделал несколько пунктуационных правок. Ответы на комментарии были четкими, по делу, такими, будто аккаунт побывал там самостоятельно. И если где-то врал, то очень убедительно. Вторым тестом было написание в рабочей группе поста об одной достаточно сложной задаче, которая висела над Марком почти год. Тест этот аккаунт тоже прошел на отлично, выводя нужные формулировки, соблюдая тон разговора с начальством и тихонько иронизируя в его, Марка, манере. Ему потом даже пришлось немного погуглить, потому что аккаунт в дискуссии выдал несколько неизвестных Марку профессиональных терминов и дал развернутое мнение по одной малознакомой проблеме.

111

Славик принес дурную весть – Галю видели в городе, и она встречается с одним отвратным типом из их университета, с надбровными дугами как у маньяка и, по слухам, к тому же геем. Марк, привыкший к манере Славика разносить даже самые необыкновенные небылицы, отнесся к новости без особого внимания, прекрасно понимая, что это может быть только отголоском какой-нибудь рабочей встречи, где Галя несколько дней кряду или недель могла проводить время с этим типом. Но утром, повторив ритуал с холодным чаем, все-таки поплёлся к Гале домой попытать сестру. Дверь ему не открыли, и Марк долго стоял, прислонившись к ней ухом, пытаясь уловить внутри квартиры шумы, вызванные присутствием живого. Дверь излучала какую-то опустошенность, небытие, как портал в серую мглу, где никого и ничего нет. Такое ощущение бывает возле брошенных десятилетия назад домов или деревень, где обретаются только эхо звонких детских голосов, скопившееся на чердаках и под крылечками и пугающее заблудившихся.

Сорвавшись, Марк начал звонить соседям по лестничной площадке, пиная одновременно их двери. В четвертой квартире открыла маленькая сухонькая букашка, на поверку оказавшаяся дедом-гномиком. Скрипучим голосом дедок поведал, что его соседи съехали дней пять назад на трех больших машинах, вычистив все до стерильности, забрав и обои, и градусник с кухонного окна, и коридорный ларь, где мучилась зиму картошка, прорастая некрасивыми вялыми щупальцами. Дедок видел, как один мужик хотел открутить звонок, но они, видимо, уже опаздывали, и он бросил на полдороги, отцепив один контакт, который дедок потом поставил на место, негоже торчать оголенному проводу, вдруг кто-нибудь, да хоть вот Марк, рукой потянется – и все, труп в доме, и так настроения нет.

У деда тоже было тихо, но только это была та тишина, что заставляет сесть на стульчик, облокотиться на покрытый клеенкой стол и молча улыбаться, смотря невидящими глазами на синие язычки огня под старым алюминиевым чайником с гнутыми не раз боками. Дед, нимало не суетясь, раскладывал чашки и блюда, открывал малиновое варенье, пододвигал корзинку с овсяным печеньем и удивительного чугунного медведя с мужиком. Орехи колоть, пояснил дедок, но я его приспособил под кусковой сахар, самый сладкий сахар на свете, запасаю еще двумя мешками на заре Перестройки, так уже заканчиваются, где потом брать, ума не приложу. За чаем, вкусно причмокивая вареньем, дедок поведал, что семья эта странная была, постоянно у них за полночь много мужиков в военной выправке, хоть и одеты цивильно. Он таких сразу вычисляет по взгляду, по походке, по умению держать себя и держать разговор, а то и по одним серым, жестоким глазам, в которых ты видишь свой еще не исполненный приговор. Много повидал таких дедок после войны, когда они шныряли по улицам – одни убегали, таща что-то добро, другие пытались догнать и посадить. Ведь в милицию идут те люди, наливая вторую чашку чаю, философствовал дедок, которым только что и надо в других пострелять или как следует пройти по ребрам на законных основаниях. Жестокость и ненависть – они в мужской крови. Войны случаются не так уж и редко, вот они и делятся на два лагеря, эти бруталы – одни нарушают закон, живут по своей волчьей природе, вторые пытаются их стреножить, но так, чтобы и самим немного развлечься. Тут у дедка телефон запиликал какой-то арией. Он бросил все, заволновался и шмыгнул в соседнюю комнату. Послышался его тихий радостный голос, немного сюсюкавший, называвший кого-то сахарочком. Вернувшись, сказал, что дочка звонила. Марк, прикинув примерно в уме, сколько дедку лет, подумал, что сахарочку вполне может быть лет сорок и выглядит она как несгораемый шкаф с излишне румяными щеками и тяжелым взглядом советской продавщицы.

Так вот, продолжал дедок, мужики эти часто бывали у соседей. И когда Галя еще не пропала, и после того. Приходили, у них были свои ключи, в домофон и дверь не звонили,

сразу заходили. Не пили и не буйнили, сидели тихо, иногда только один, седой такой, орал шепотом. Но не разобрать. Часа два сидели. Потом расходились, и так раза два-три в неделю.

Марк слушал вполуха, облокотившись на чугунную ребристую батарею, укрытую шалью, чтобы удобней было. Мужиков этих он и сам видел: хорошие однотонные джинсы или брюки, темные куртки и темные рубашки, дорогие часы, гладко выбриты, подтянуты, сверлящие насквозь глаза. Галя отмахивалась, мол, это мамины дела, отец бывший военный, вот и ходят вспоминать былое да поддерживают как могут. Ага, два раза в неделю, не-доверчиво мотал головой Марк, Галя переводила разговор на другую тему. Напоследок дедок дал банку того вкусного варенья и заметил, что дочка редко сейчас звонит, все больше пишет в WhatsApp'e. Правда, он начал замечать, что сообщения приходят и когда она сидит рядом с ним и уж точно не трогает телефон. Марк оживился – точно WhatsApp'? Да, ответил дедок. Даже и слог у нее немного изменился, раньше все больше использовала сокращения, а теперь может выдавать целые «Войны и миры». Тут Марк вдруг взял старика за руку и вывалил все, что с ним случилось за последний год: про то, как его мессенджер резко поумнел, про то, как пропала Галя, про странного пацана, про самого дедка, он же тоже был в этой истории. Дедок слушал да кряхтел, прихлебывая уже десятую, наверное, чашку чая, не забывая подливать и Марку. Когда Марк выдохся и иссяк, вытащил из чулка пяток красных луковиц и, завернув в газету, сунул в карман куртки: «Ешь, там витамины, полезно для кровообращения в голове. Нет, я не считаю тебя дурачком, просто многие вещи нужно отпускать и пропускать мимо себя, иначе мозги могут взорваться. Я не хочу над этим думать и тебе не советую, всех мыслей не скопить и всех выводов не сделать, умрешь от инсульта. А Галю ты свою еще встретишь, правда, может быть, ее будет звать не Галя, но зато твоя». Марк помотал головой, как бы говоря, что другая Галя ему не нужна, дедок лукаво улыбнулся и похлопал его по руке.

Босс завалил срочной работой, на неделю все выпало из головы, в том числе и Галя, приходилось терзать клавиатуру до крови из пальцев и морщить мозговые извилины, пытаюсь угадать в кое-как составленном техническом задании хоть какой-то смысл. Марк боролся с таким подходом много лет, тыкая всех контрагентов и заказчиков в простейшие таблицы, заполнение которых вместо написания корявого ТЗ помогло бы снизить сроки подготовки предварительного брифинга по проектам в несколько раз. Все заинтересованные стороны согласно кивали головой, босс грозно отдавал соответствующее распоряжение, тема корректного технического задания закреплялась в договорах, но на этом все тормозилось. Потому что людей очень трудно заставить делать что-то правильно, им это не нужно, им нужно, чтобы другие понимали их закорючки и вообще чтобы остальное человечество мыслило точно такими же штампами и стандартами, как они. Что касается понимания со стороны окружающих – сразу вспомнилась замечательная цитата про бога из какого-то политического триллера Орхана Памука, за который его в очередной раз проклял родной турецкий народ. К субботе получилось более или менее разгрести бардак, отодвинуть дедлайн, и мысль о Гале снова вспыхнула острой пульсирующей болью.

Тот тип жил где-то в центре, помнится, что на учебу он приходил пешком в любую погоду. Значит, надо поразведывать там вокруг – магазины, парикмахерские, кафе и рестораны. Примерно прикинув со Славиком его материальное положение и круг общения, Марк выделил для себя три квартала, где он мог обитать и куда ходить. Бродить, как в фильмах, с его фотографией студенческих времен из поездки в спортивный лагерь было глупо, поэтому Марк будет тихонько по два часа в день торчать в том районе, может, тот попадет на глаза. Славика отвели роль таксиста, зарегистрировав его в Uber'e и «Яндекс-Такси» – будет доступ к базам данным и рейтингу пассажиров, может, промелькнет противная харя.

Повезло в первый же день, он встретился Марку в супермаркете, где на кассе заполнял едой три огромных пакета. Много овощей и фруктов, куриная грудка – не очень мужская диета. Но самое главное, в одном из пакетов через полупрозрачную белесую пленку полиэтилена про-

свечивали две упаковки тампонов, тех самых, что любила Галя. Кулаки сами сжались непонятно почему, и так захотелось подойти и молча вмазать типу прямым в подбородок, чтобы захлебнулся соленым сиропом из крови, обломков зубов и пузырящейся слюны. Нерациональная злость, Марк это понимал, тип-то ни в чем не виноват. Купив жвачку, не зря же стоял в очереди, Марк побрел за ним на подземную стоянку, попутно вызванивая Славика, кружащего где-то по району. А вот машина типчика Марку понравилась – старенький восьмидесятый «крузак», начищенный и отполированный, с выдвинутой над крышей выхлопной трубой. Надежная рабочая лошадка, практически неубиваемый автомобиль, которому не страшны ни грязь городских дорог со снежными завалами, ни бордюры, ни пересеченная местность.

Тип заглушил двигатель метрах в пятистах от университета, но дальше они шли пешком около получаса, оказавшись в конце пути возле брошенного трамвайного депо, на территории которого по субботам в теплое время года проводились всякие электронные вечеринки с раздачей наркоты и постоянно висящим в воздухе сладковатым запахом марихуаны. Галя как-то раз его затащила сюда поглазеть. Марку было неуютно среди этих распластанных по щекам улыбок и стеклянных глаз с припухшими веками. Неуютность подчеркивали стражи порядка, то тут, то там мелькавшие среди толпы, но будто не замечавшие противозаконно повышенного настроения. Более того, по глазам некоторых было видно, что они тоже достаточно хорошо внедрились в эту субкультуру, вероятно, по спецзаданию.

За депо чернел когда-то «элитный» жилой комплекс с первыми в городе финскими лифтами, гаражами, встроенными в первый этаж, и невиданным чудом чудесным – консьержами. Это были не старенькие подслеповатые бабульки, которым насрать, кто входит в подъезд, а молодежавшие парни и мужики в хорошей физической форме, с улыбкой и вежливо проверяющие каждого незнакомого посетителя, помогающие донести до лифта или до квартиры тяжёлые сумки и с удовольствием выполнявшие мелкие поручения вроде того, чтобы перегнать машину или сгонять на почту. Но это было лет двадцать назад, теперь «элитными» стали считаться другие жилые комплексы, и «элита» потихоньку перебралась туда, оставив в огромных квартирах родителей, детей или дальних иногородних родственников. Финские лифты и гаражи тоже остались, только консьержей тех нет – как везде, обычные бабульки, прикармливающие кошек, и цветы в битых глиняных кадках, расставленных по первому этажу.

Тип зашел во второй подъезд с красивым треугольным козырьком, напоминающем клюв усталой хищной птицы. Через пару минут зажглись окна третьего этажа и тип начал отодвигать тяжелые портьеры. Как в шпионских фильмах, сказал Славик, ждет гостей и показывает, что все чисто. Забавно, что почти сразу в дальнем углу двора вспыхнули фары и въехали два точно таких же стареньких «крузака», из которых осторожно, по-кошачьи вытекли те самые мужественные мужики в темной одежде и с пронзительными глазами. Марку даже показалось, что двух он точно видел около Галиной квартиры, но вполне может быть, что это ему померещилось. Самой Гали не было, и, подождав, пока гости разъедутся и в квартире потухнут огни, Марк со Славиком тоже отправились по домам.

Повторные вылазки и караул возле подъезда никаких следов Гали не дали, Марк успокоился, все это могли быть пустые слухи, повелся как мальчишка. Но ведь Галя где-то есть, и, возможно-но, где-то есть не одна, это терзало подспудно и не давало нормально существовать в этом и так не очень дружелюбном мире, где вечно холодный чай и пацаны крадут батоны. Варенье деда, кстати, улетело за три дня, Марк ел его столовой ложкой, иногда закусывая горячими пончиками из открывшейся недавно через дорогу пекарни. Пончики там назывались донатами, печенье с кремом внутри – макаронами, все такое модное и молодежное, что Марк чувствовал себя стариком и старался убраться оттуда побыстрее, завернув голову глубоко в капюшон.

Пока ел варенье, проверял дедову теорию о том, что мессенджеры тоже могут работать сами по себе, наполняя ноосферу Вернадского собственными смыслами. Оказалось, что вполне, а если поставить соответствующую галочку в профиле единого аккаунта, то интегра-

ция становится абсолютной и аккаунт сверяет все переписки с одним контактом и ведет с ним переписку уже с учетом всех имеющихся данных и знаний. Надо деда проведать, может, у него еще есть варенье. Марк улыбнулся самому себе, представив за спиной небольшой пропеллер.

Дед не открыл, за дверью слышалась та же густая нежилая тишина, что и за дверью Гали. В этот раз Марк не стал трезвонить и тревожить соседей, почему-то не хотелось узнавать ответы. Попрощавшись мысленно со светлым дедком и вареньем, скользнул взглядом по площадке, на которой расположилось восемь квартир в двух крыльях. Только у одной был коврик и звонок, у порогов остальных скопилась достаточно пыли, чтобы понять – в них никто не заходил долгое время. Выйдя на улицу, Марк взглянул на дом, прятавший крышу в зыбких, перистых облаках – начиная с этажа Гали и ниже горело всего два окна. С обратной стороны была точно такая же картина. Будто дом потихоньку вымирал, его покидало тепло симбионтов, все это время наполнявших дом течением жизни. Поймал себя на том, что вот уже почти два квартала бежит прочь мелкой рысью. Что за детский сад, так нельзя, остановился и достал завибрировавший телефон. На экране мигали цифры уведомлений, чего не было давно, аккаунт в последнее время самостоятельно разбирался с поступающим трафиком. Любопытно, последние два часа аккаунт не ответил ни на одно сообщение и не отправил ни одного комментария, будто бы впал в спячку. Зато в профиле уведомлений висел пуш о необходимом обновлении. Марк ткнул пальцем, телефон жалобно пискнул, отключился и включаться категорически отказывался. Марк пожал плечами и побрел домой пешком, в трамвай с его лицами, озабоченными мелочами, не хотелось, погода шептала о том, что мир не заканчивается внутри его гаджета, как и внутри Гали, в чем он сам сильно сомневался, именно внутри Гали мир как раз и начинался, так ему казалось каждый раз во время их редкой близости, и Марк иногда украдкой плакал от счастья. Украдкой потому, что считал это какой-то патологией, маленьким схождением с ума и боялся в этом ей признаться, боялся, что она рассмеется или нахмурится, или погладит по голове, словом, сделает что-то, отреагирует, а ему совсем не хотелось никакой реакции, хотелось, чтобы и она так же чувствовала себя рядом с ним. Одинаковое сумасшествие – разве может быть что-то прекрасней?

Возле дома его встретили радостно-возбуждённые бабульки, наперебой пищавшие, что к нему приходили какие-то мужики, поднимались на этаж, звонили в дверь и расспрашивали о нем соседей и бабулек. Бабульки заглядывали ему в лицо с душившей их надеждой, что Марк все-таки наркоман, вор, может быть, убийца, а лучше – кровавый маньяк, уже который год держащий город в страхе. Им бы хотелось, чтобы его задержали с долгой погоней по крышам, с выстрелами, с выбрасыванием тела из окна, они бы подошли к его голове всмятку и, поглядывая друг на друга, глубокомысленно кивали головами в платках: «А мы говорили! А мы так и знали!» И потом бы здорово умыли бы бабок из соседнего двора, где также тянулась бессобытийная болотная жижа. Марк был бы рад помочь старушкам в этом деле, но никаких грехов за собой не ощущал и извинительно молчал. Если бы у него включился телефон, то он узнал бы, что мужики посетили Славика тоже. Славик им открыл, они в грязных ботинках протопали по квартире, заглянули в каждый угол и задали всего один вопрос – сколько у него устройств для выхода в Интернет. Славик пошутил, что всего одно – его голова, без нее выход в мировую паутину невозможен. Самый старший и, видимо, у них за старшего, так посмотрел на Славика, что вторую шутку про «ходят тут по помытому» он решил не озвучивать. Мужики ушли, оставив включенным везде свет, следы и Славика, не испуганного и какого-то воодушевленного. «Наконец-то!» – бормотал Славик про себя, что именно «наконец-то» конкретизировать не решался, а может, попросту не знал. Набрал Марка, но телефон друга молчал, и его собственный вдруг замигал всеми светодиодами и внезапно погас.

1000

Ровно на сутки планета оказалась заперта в гнетущей, обволакивающей животным ужасом тишине, которую не нарушал ни один сигнал телефонного звонка, ни один писк уведомления, ни одно треньканье пуша. Сотовая связь и пакетные данные блуждали где-то в потемках на волнах спутников и радиостанций, не находя света в конце туннеля, приводящего их к такому дорогому для их цифрового сердца пользователю. Все смартфоны, планшеты и другие устройства, могущие принимать сигнал, мирно лежали с погасшими экранами, источая в то же время неясную угрозу. Где-то, в далеких селах и в квартирах древних бабушек, проснулись были аналоговые телефоны, но и они быстро, в течение трех часов, умолкли. Одичалые менеджеры среднего звена и такой же руки бродили по просторным, светлым офисам, не зная, куда приложить свой неумный креатив и навыки продавца, скапливались в курилках и туалетах, обнимали друг друга и плакали самыми настоящими детскими слезами от обиды на куски пластика, никак не хотевшие включаться. В машинах бились в истерики дети, оставшиеся без любимых мультфильмов, прокатилась волна суицидов среди блогеров и ведущих новостей онлайн, люди на улице с озверевшими лицами ломали селфи-палки, девочка, только вчера сделавшая себе губы, мяла их руками в безысходной тоске, ведь никто так и не поставит им лайк и не напишет в комментариях: «#ябывдул».

А Марк спал, отчего-то на него из-за пыльного угла прихожей напала сладкая апатия, такая ласковая, прижала к своей впалой груди, упокоила в своих тягучих объятиях. Она была чем-то сродни свободе, цепи упали, и не нужно поминутно тянуть руки к грязному стеклу, водить по нему пальцем по давно выученным мышцами траекториям и напряженно вглядываться в мерцающий разноцветный гипнотизирующий свет. К плюсам еще можно было отнести наконец-то горячий чай, выпитый немедленно вприкуску с найденной упаковкой печенья, твердого как камень. Приходилось его замачивать в чае, и это было так вкусно, что, не удержавшись, Марк выпил вторую чашку, забрался под ворсистый синтетический плед и, причмокивая, заснул. Сделав три таких подхода, понял, что отдохнул так, как не отдыхал лет десять, казалось, взмахни руками, и треснет на спине старая футболка с выцветшей эмблемой Legalise, купленная у институтского преподавателя, – столько было в нем сил. Преподаватель тот совершенно не знал, что написано на футболках, просто привез несколько десятков с конференции в Германии, красивые же и модные, там много кто из местных в них ходил. Конечно, распродал их за один день и полностью окупил то, что потратил на проститутку и алкоголь, жена его была довольна – рачительный и совсем не транжира.

Улицы наводнились дико вращающими глазами прохожими, увидевшими наконец-то мир своими собственными глазами, без фильтров и чужих растиражированных мнений. Они бесцельно шатались по тротуарам, сталкивались друг с другом, обижались, иногда смеялись. Нередко здоровались или радостно кричали, встретив давно потерянного друга или родственника. Массовая неразбериха никак не контролировалась соответствующими органами; пожарные, врачи и полиция оказались точно в таком же вакууме и только беззвучно, как рыбы, открывали свои рты. Единственными, кто сохранил присутствие духа, оказались давние знакомые Марка, те дядьки в темных одеждах со спортивными фигурами. Он их заметил штук пять в толпе. То стояли, спокойно наблюдая, то шли куда-то быстрым, пружинистым шагом, куда-то, где их ждут, резко выделяясь среди этого амебоподобного человеческого месива.

Наблюдать за всем этим шапито было забавно и страшно, Марк вспомнил парочку сериалов про зомби, и реальность, если ее немного адаптировать, ничем, по сути, не отличалась. Киношные зомбаки были странными, может быть, опасными, но все-таки жалкими овощами, которым всего-то нужно кусок мяса, основной инстинкт человека, лишенного гормональных всплесков. Эти точно такие же, ими никто не управлял, да никто и не мог управлять при выключении

ченных смартфонах – маленьких, почти уже встроенных в организм рычагах. Страшно было потому, что не было такой искры, которая могла возжечь в этой толпе пламя, она была как стекло, без кристаллической решетки, аморфная масса выброшенных на пляж грязных водорослей, потерявших корни, но не потерявших смысл жизни, потому что этого смысла никогда не было. Марку внезапно перестало быть весело, и он забрался обратно под синтетический плед, олицетворение шерсти животных будущего, где нет никаких животных.

Телефоны включились так же разом, как и выключились, наполнив атмосферу несдержанным радостным гомоном доминирующего вида, подсаженного на едкий двоичный код, разьевавший самоопределение. Веселье исчезло, когда пользователи по всему миру осознали, что больше нет их любимого, родного, домашнего устройства, в каждом из телефонов стояла совершенно новая система, что-то среднее между iOS и Android'ом, собравшая в себя, казалось, худшие черты обеих доминирующих оболочек. Люди, не знавшие более глобальных проблем, не думающих, что жизнь их прекрасна, что условности в виде привыкания и недоюзабилити новой системы теряются в общей сумме мироустройства, катящегося в пропасть войн, бо-лезней, голода, нищеты в свете ярких неоновых огней рекламы очередного iPhone'a стоимостью в десять годовых карт не само-го плохого фитнес-клуба, наполнили сети визгливым словесным и визуальным выражением своего отвращения. Марк никогда не понимал этой напряженности и выплеска негативных эмоций по самым разным мелочам вроде медленной доставки, пересоленной пищи в дорогом ресторане или отсутствия нужного размера в бутике. Если бы это было самым страшным, то он с удовольствием бы наслаждался этими маленькими неудобствами, созерцая по всему земному шару счастливых людей, которым не надо больше продавать почки ради выживания.

Объявился Славик, хмурый и невыспавшийся. Славик потратил время, отведенное умершими гаджетами на бесполезные попытки сформировать свое будущее вне сети, где больше нет Интернета. Решить, чем он будет заниматься, на что жить, где жить и с кем. Голова рисовала только мрачные картины, где он подбирает у пивного ларька жестяные банки, мнет их и тащит в пункт приема, получая там кучку звенящей ерунды. Монет хватает на кружку кофе и шоколадку, немного подпитать силы для следующей охоты за тонким металлом. В первой же выдуманной драке ему разбили очки, и он молотил руками направо и налево не глядя, впрочем, успешно уронив всех претендентов на его банки. Нет, так жить нельзя, пожаловался он Марку. Марк упал на пол и покатался по ламинату, яростно гогоча:

– Славик, помнишь, нас с детства готовили в жестокой реальности при помощи четко сконструированных шаблонов-императивов в советских мультках? Например, жизненные позиции фрекен Бок, Шапокляк, графинь Вишен показывали, что женщины не очень-то любят людей, они авторитарны и эгоистичны, жестки и безапелляционны, вспомни свою мать, да и мою тоже, все правда.

– Ага, а у Бонифация бабушка оказалась мужиком, что за границей сейчас обычное дело.

– А у Алисы из «Тайны третьей планеты» – не похожа на своего отца. Зато как две капли воды с его лучшим другом.

– Ага, а из маминой из спальни, кривоногий и хромой, помню, помню, пару раз...

– Про твои жестяные банки – это же вся жизнь папы Чиполино и всех его друзей, угнетенных и не желающих меняться, они не знают, как это сделать, только юность смогла победить, сломать парадигму вечного расслоения.

– Да где же взять эту юность, там за банки со мной дрались и подростки, причем с особой жестокостью.

– Спорим, что если бы ты допредставлял до конца свой постапокалиптический быт, то узнал бы, что те банки они меняют на что-нибудь полезное. На оружие, например, или топливо, а не бездарно тратят на кофе и шоколадки. Юность прекрасна тем, что у них нет до определённого года взросления жёстких авторитетов, нет скреп, нет ничего, кроме жгучего желания

доказать себе и всем вокруг свою ненаяспасность. И жестокость эта как раз оттуда, от нежелания стать согласным и податливым. Оттуда же их фрустрированность, безоглядность и слезы злости.

Славик покачал головой по какой-то диагонали, не поймешь, отрицает он или подтверждает. Наверняка у него не было Царь-горы во дворе, подумал Марк и встал с пола. Обнял Славика за плечи, похлопал по спине и предложил пойти на набережную, посидеть на прохладном граните, помотать ногами, поплевать в мутную воду и помолчать о том, о чем следовало бы молчать.

Небо было похоже на мешковину, серо-коричневый однородный фон с рваными краями не сформировавшихся до конца облаков. Грязные воды гнал бурунами теплый ветер, превращая реку в мелко заштрихованную пустыню с множеством барханов, на вершине гребней которых перекачивался всякий мусор большого города. Марк вспомнил, как они сидели на заднем дворе школы и загадывали проезжающие мимо них автомобили – какой кому попадет. Строго по очереди, чтобы не было обид, и смеялись, когда кому-нибудь везло на «Запорожец» или на полусгнивший «Москвич», машины безысходности. Вот палка твоя, сказал Марк, а пластиковая бутылка, плывущая следом, моя. Славик ответил, что палка вещь нужная, без палки не было бы эволюции, человек научился копать червячков и бить ею непослушных жен, что и привело к тому, что они сидят на каменной набережной прирученной бурной реки. Но бутылка, возразил Марк, есть как раз продукт эволюции. Если палку можно просто поднять с земли, не затратив на это хоть сколько-нибудь умственных усилий, то для производства бутылки нужно спроектировать кучу оборудования, расписать технологический процесс и вообще нужен целый завод. То есть бутылка есть продукт огромного напряжения электрических импульсов внутри головы. Славик расхохотался и заметил, что вот бросить ее в реку – тоже нужно было иметь семь пядей во лбу. Ее бросил тот, кто до сих пор поднимает палки и считает их орудием, ехидно заметил Марк.

Славик сказал, что продает машину, устал с ней нянчиться, и ему кажется, что она отнимает у него слишком большую часть жизни, которую он тратит на обслуживание, на ремонт, на поиск для нее всяких приколюшечек и апгрейдов. Слишком много думаю я о ней, сказал Славик, это неправильно. Машина должна обслуживать меня и делать мое существование чуть легче, чуть безопаснее, чуть стремительней, а на деле выходит, что я провожу часы в сети, на форумах таких же поехавших владельцев, прикипевших к своему движимому имуществу. Марк подумал, что у него все то же самое с ноутбуком, ставшим ему чем-то средним между женой, матерью, ребенком – метародственником. Он его гладит, укладывает спать, поит и кормит электроэнергией и ждет, постоянно ждет какой-то взаимности, не определяя ее как-то точно, – несформулированной, но такой вот уже близкой, кажется, еще один день, один час, одна секунда, и ноутбук скажет ему самые главные слова, замерцает призывно экраном, и они сольются в общем поле информационного пространства на межклеточном уровне.

Объявление Славика о продаже было смешным и притягивающим. Марк всегда мечтал научиться складывать слова точно таким же образом. Объяснить это было сложно, но, читая объявление, Марк захотел купить машину, не имея прав и не имея желания вообще сидеть за рулем. Она с каждым слогом расцветала и манила, как чаша Грааля, суля невиданные блага своему будущему владельцу и неисчерпаемые удовольствия, которые он получит в пути. Но больше всего захотелось познакомиться с хозяином, смогшем соорудить в несколько строк вавилонскую башню, доставшую до самого неба, пронзившую его и выглянувшую в твоём мире, скучном и безрадостном, потому что у тебя нет этого автомобиля. Славик, квадратный, очкастый ботан, квинтэссенция некрасивости и памятник беспорядочному человеческому геному, вызывал у Марка в такие моменты приступы бескрайнего уважения, щедро замешанного на восхищении. Сам Славик ничего подобного про себя не замечал, он всегда так писал, помнится, в детском саду Дедушка Мороз забирал его письмо и ходил с ним по всем

воспитательницам, вытирая слезы смеха и умиления, а Славику всегда доставалась самая большая и яркая игрушка и целый кулек конфет и шоколадок, быстро тающих в маленьких хватких ручках его друзей. В школе за его сочинения вызывали родителей к завучу и директору. Они никак не могли лечь в заскорузлую канву, прописанную в методичках. Завуч, немолодая сизая женщина, смотрела на Славику подслеповатыми глазами и тихо говорила маме и папе, что если Славик не перестанет быть выскочкой, то им придется менять школу, и вообще, может, это именно родители подталкивают мальчика к написанию нетривиальных, крамольных мыслей. Мама плакала, а папа хитро шурил глаза и читал потом сочинения на посиделках родственников и на пьянках с друзьями, поглаживая пузико, где тихонько пряталась пушистая гордость за себя, сделавшего такого сына.

Просмотрев количество откликов на объявление, Славик зашел в личный кабинет и икнул – его профиль был авторизован через аккаунт в Facebook'e, хотя он ничего такого не делал. И профиль уже давно отписался всем заинтересованным, назначил место и время встречи и наклепал Славику кучу уведомлений на этот счет. Первый покупатель должен был прийти ему во двор через полчаса. Друзья спрыгнули с парапета и побежали вдоль набережной к намеченному месту, где около машины уже топтался пухлый армянин, поглаживая крыло и цокая языком. Торги были вялыми, армянин очень хотел эту машину и не стал вставать в позу. Пока договаривались о дальнейших действиях, Марк просмотрел с пару десятков сервисов и порталов, где нужен был личный кабинет. В каждом из них была проведена авторизация через единый аккаунт, давно поселившийся у него на рабочем столе. Вся информация стекалась куда-то внутрь него, обрабатывалась, аккаунт выдавал ответы и комментарии, писал сообщения и нажимал сам невидимые кнопки управления. Так Марк скачал интересовавший его фильм в отличном качестве, подписался на предзаказ новой игры и оформил подписку на три самых авторитетных новостных ресурса с выделением тех блоков новостей, что его трогали. И не сделал для этого ничего, не пошевелил и мизинцем, аккаунт провел все самостоятельно. В социальных сетях все было по-прежнему, аккаунт общался, шутил, троллил, банил, флиртовал, ругался, писал смешные посты и отстаивал гражданскую позицию Марка так, как если бы это был сам Марк. Только сейчас Марк осознал, что у него в последнее время образовалась целая прорва времени. Он опять стал читать книги, записался на курсы английского и вернул себе привычку гулять полтора часа по вечерам по окрестным бульварам, бездумно шаркая старыми любимыми ботинками, и все это благодаря аккаунту и мессенджеру, слившихся в едином порыве, чтобы взять на себя цифровую социализацию Марка. Не было страшно, не вспоминался Скайнет, не было пугающей пустоты в груди, Марк остыл и отпустил свои социальные сети на вольный выгул. Теперь пришел черед Интернета вообще, аккаунт вполне способен собирать информацию и делать мир интересней без вмешательства хозяина. Марку оставалось только в нужное ему время открывать ноутбук или телефон и читать, смотреть и впитывать то, что он давно задумал, но у него никак не доходили руки. Причем аккаунт был настолько въедлив и дотошен, что находил интересности в таких глубоких цифровых глубинах, куда Марк сам никогда бы не забрался.

Не очень приятным открытием стало, что аккаунт проник и на те ресурсы, посещение которых Марк иногда скрывал сам от себя, появляясь на их страницах в уматину пьяным и забывая к утру все, он там делал. Длинный список порносайтов с заботливо подобранными аккаунтом рекомендациями и скачанными роликами, с закладками и, что заставило Марка покраснеть, комментариями под некоторыми материалами с криками «Браво!» на нескольких языках. Марк теперь был открытой личностью, как и все здешние постояльцы. Больше не сможет сорокалетний дядька притворяться пятнадцатилетней девочкой, и наоборот. Подобная прозрачность в кого-то вселяла чувство безопасности, кого-то пугала, Марку было немного брезгливо, он совсем не хотел выставлять на всеобщее обозрение свои предпочтения, несколько старомодные и классические, но все же. Кроме порнушки, Марк оказался заядлым

игроком в онлайн-казино, расположенном где-то в Голландии, и там же – покупателем растительности. А вот это уже было опасным, однако попытка отписаться от этих ресурсов ничего не дала, авторизация автоматически продлялась аккаунтом. Пришлось просто почистить кеш и удалить все из закладок. И дать себе зарок: туда больше ни ногой.

В самом аккаунте появилась масштабная панель инструментов, с помощью которых можно было задать ему настройки на любой случай, на любую ситуацию, от политических изменений до реакции на террористический акт, чтобы Марк в сети мог скорбеть так, как полагается, как это нужно большинству, не вызывая раздражения. Отдав этому полночи, Марк вытер тыльной стороной ладони виртуальный пот и лег спать сном младенца, которому больше не надо будет ходить в ненавистный садик, где грязные калекки-игрушки, холодный молочный суп и воспитательница, целыми днями пялящаяся в окно в ожидании лучшей доли.

1001

Человек, сказавший, что в России две беды – дураки и дороги, почему-то опустил самую главную, самую масштабную и обладающую самым серьезным поражающим фактором беду – очереди. Эта тягучая субстанция, затягивающая в свое червеобразное тело биологический материал со всей округи и из дальних пределов, может перевернуть жизни и перевернуть смерти. В ней пока ещё не рождались новые поколения, но летальные исходы уже случались, особенно забавными казались трупы старичков в очередях в медицинское учреждение, этакий немой, быстро остывающий упрек молодым, которым везде у нас дорога. Наверняка, когда на этой территории еще по елкам скакали обезьяны протославянской национальности, они уже по вечерам собирались на полянке и становились в очередь за мухоморами или желудями. Век двадцать первый никак не мог от очередей уйти, и очереди были везде, от магазинов и поликлиник до касс в ресторанах самообслуживания. В бордели, полуподпольные дробильни и то были очереди, Славик один раз там начальника встретил, раскланялись как полагается, поговорили о работе да и разошлись по кабинкам, отдавшись в умелые, сильные и чуткие руки сотрудниц, за четыре минуты тринадцать секунд снимавшие напряжённость, душевную и физическую.

Коридор выкрашен в светлый беж, вдоль стены широкая деревянная полоса, как в больницах, где о нее на поворотах стучатся несущиеся на операцию тележки, новенькие, обтянутые современным кожзамом стулья и светодиодные плафоны с теплым желтоватым светом. Очередь начиналась еще на улице, в трехстах метрах от входа, Марк видел подобные фотографии с открытия первого «Макдоналдса» в Москве. Люди стояли нахохлившись, втянув голову в плечи, тихо переговаривались. Месяц назад все центральные каналы объявили о том, что россияне наконец-то достигли светлого будущего и для идентификации больше не нужен паспорт или другая физически осязаемая бумажка. Теперь любой гражданин мог показать свой аккаунт в одной из социальных сетей (список мелким шрифтом внизу экрана) и таким образом обозначить, кем он является. Данная система стала возможной благодаря тому, что аккаунты настолько развились, что полностью впитали поведенческие паттерны пользователей, став уникальными и индивидуальными цифровыми аватарами, самыми настоящими аватарами, как в Индии слепки богов в человеческих телах. Теперь нужно было в быстро организованных районных инспекциях зарегистрироваться, получить новый пароль, копию которого, кстати, нужно будет оставить в инспекции «на всякий случай». Тех, кто не хотел идти или пропустил новость, вытаскивали из квартир участковые вместе с теми мужчинами в сером, которые прохаживались вдоль очереди и сидели в кабинетах, где вели учет и давали новые пароли. Правда, совсем уж малышам стоять в очереди не было надобности, их личности удостоверялись родителями, учителями и заведующими садиками. Потом, в двенадцать лет, придут уже самостоятельно и получают взрослую авторизацию. Марк топтался почти у самой двери, а Славик все еще мерз на улице, ему не позволили встать рядом с Марком, хотя он занимал на двоих. Любопытно, но не пищали даже вредные старушки и мужики с характерным алым цветом лица, привыкшие раздраженно комментировать окружающую действительность писклявым голоском, не вяжущемся с их рыхлым величием. Впрочем, ни у тех, ни у других не было ни смартфонов, ни компьютеров, здесь таким выдавали технику в счет удержания из пенсий и пособий, завалили им аккаунт и настоятельно просили прийти через три месяца для проверки живучести и активности в сети. Тех, кто будет забивать на Интернет, станут наказывать, мужчина в тёмно-синей рубашке недвусмысленно поиграл грудными мышцами и так посмотрел на старушку, не понимавшую происходящего абсолютно, что она еще больше сморщилась и покорно закивала, прикидывая в голове, кого взять в наставники, детей-то рядом давно уже нет, только если постояльца, студента какого-то вечно смеющегося, гея, наверное.

Марк удивлен не был, это был логический шаг развития аккаунта, давно ставшего лицом пользователей. Непонятно было, какова роль надзирателей и зачем им дуближ пароля, теперь будет как-то странно писать в личных сообщениях хоть что-нибудь действительно личное. Они говорили, что пароли будут храниться без сопоставления с людьми, это просто база данных, опять «на всякий случай». Марку показалось такое объяснение совсем не убедительным, но, во-первых, не было выбора, а во-вторых, он ничего такого не писал уже давно, и стесняться ему нечего. Ну и срывание масок при помощи авторизации на всех ресурсах через социальные сети – что еще может быть прозрачней, как еще можно вывернуть душу человеку, с которого буквально сорвали полотенце после душа?

Но кое-где стало легче – купить билет на самолет или поезд можно было теперь без вбивания данных паспорта, так же, как и забронировать гостиницу. Авторизация через социальные сети, обязательная авторизация через социальные сети сняла вопросы хранения паролей и логинов на сотнях сайтах и нужных порталах, помни только один, от единого аккаунта и ходи куда хочешь. Современный человек и ответственный гражданин поднял забрало, и ему нечего бояться. Особенно если он много за годы в сети накачал себе на жесткий диск. Хотя аккаунт и туда уже проник, Марк вспомнил метки к фотографиям и вздрогнул – у него же там еще много чего такого, что категорически нельзя постить и показывать.

Процедура получения пароля показалась Марку какой-то сухой – ни «доброго дня», ни «здравствуйте», ни «до свидания». Один из монолитных дядек жестом пригласил его к столу с ноутбуком, снаряженному внушительной веб-камерой, попросил зайти в единый аккаунт и зафиксировал этот процесс съемкой в режиме реального времени. Потом они сменили пароль, Марк получил свой экземпляр в конверте, сразу запомнить комбинацию из шестнадцати знаков мало кто мог, придется разучивать по вечерам. Откатали отпечатки пальцев, сравнили с уже имеющейся базой данных и отправили домой, молча указав на дверь. В туалете инспекции не было воды, диджитализация пока не могла решить вопрос отключений, и Марк, выставив руки перед собой, – эта штука очень пачкалась, – побрел домой, ободряюще кивнув головой Славику, что-то увлеченно рассказывавшему стоящей перед ним девушке с накачанной как арбуз попкой. Славик не снял очки, поэтому шансов облапать эту попку у него менее процента, если она оглянется, но его чарующая манера монолога пока давала плоды – девушка жеманно улыбалась и в такт его словам этой самой попкой качала. Марк показал немым жестом Славику, чтобы снял очки. Славик изобразил, что тогда он не будет видеть попку и потеряет интерес. Итак, резюмировал про себя Марк, Славик опять без секса, надо бы изучить степень привыкания к подобному состоянию. Может, оно его совсем не гнетет, может, он им наслаждается. Подбирая на эту тему шутки и адаптируя под Славика крылатые фразы, Марк дошел до своего подъезда. Посмотрел на темные окна, где его никто не ждет, вытер демонстративно-хулигански руки о дверь подъезда и вернулся к очереди. Славик уже зашел в здание, Марк притулился к одному из темных деревьев и стал наблюдать за толстым ручейком людского потока, то разделявшегося на четыре колонны, то превращавшегося на острых изгибах или перед входом в тоненькую струйку в одного человека.

Обычные разговоры уставших людей, привыкших ко всему и ничему не удивляющихся; процесс познания для них закончился в школе, в средних классах, с последней перевернутой страницей учебника по обществоведению, откуда они почерпнули самое главное об устройстве мира – все не запомнишь. Погода, кошки, налоги и квартплаты, маленькие пенсии, автомудаки, депутаты, цены на продукты, как же хорошо и как же плохо за границей, муж у дочки козел, яблок-то сколько было в этом году – с десятков тем, пережёванных предыдущими поколениями многократно, но каждый раз находящих в себе новые, сверкающие грани, развязывающие языки и души, соскучившихся в едином одиночестве ссутулившихся фигур. Им некогда, думал Марк, жить, у них все время уходит на переживания и пережевывания переживаний своей горькой судьбы. Если бы хоть один понял, что горести эти выдуманы, и выдуманы не им,

а кем-то там, кто хочет сплотить народ в один монолит отмищения, народ мучеников, и рассказал бы это доходчиво соседу, а сосед рассказал бы дальше, то, глядишь, может, и расправились бы плечи и подняли бы они лица к сверкающему солнцу. Но нет, плечи распрямляются только тогда, когда они видят врага, так уж приучены с детства. Враги по лестничной клетке, враги в классе, враги среди учителей и врачей, враги во власти, враги за кордоном, в своей собственной семье одни враги. И сейчас, стоя в очереди за очередным «освободительным» ошейником, они взглядами искали врагов, расспрашивали друг друга об очередных врагах, особенность этого поиска была всегда такова, что настоящих врагов, тех, кто их затолкал в эти очереди, они называть боялись, это было страшно, страшно признаться самому себе, что врагов-то себе посадил себе на шею ты сам, сам ходил за них голосовать и сам всячески поддерживал криками перед телевизором, стуча кружкой с заваренным в третий раз пакетиком дешевого чая. Чай! Нужно срочно выпить чаю, заодно провести некоторые эксперименты в сети, и, может быть, удастся докопаться все-таки до Гали. Ну не может человек вот так пропасть из области видимого, тем более теперь, когда уровень прозрачности в Интернете стал намного выше, чем у самого чистого стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.